
ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ

Русское православіе и западныя исповѣданія въ богослуженіи и обрядѣ.

(О черкъ¹⁾).

Но вотъ мы въ англиканской церкви. Скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, является здѣсь у русскаго человѣка мысль: „Много хорошаго у англичанъ, но какъ я, все таки, радъ, что родился и живу въ Россіи!“ Церковное собраніе въ англиканской церкви благоговѣнно, даже торжественно, но это—собраніе леди и джентльменовъ. Каждый молящійся имѣеть здѣсь свое особое мѣсто, ему принадлежащее; мѣста богатыхъ и знатныхъ отдѣлены и украшены, точно логи. Можно-ли, глядя со стороны, удержаться отъ мысли, что церковное собраніе здѣсь представляетъ лишь видоизмѣненіе общественнаго собранія, и что мѣсто здѣсь имѣется лишь для такъ называемыхъ „порядочныхъ людей“?

Всѣ молятся здѣсь по своимъ книжкамъ. Но, какъ у каждаго въ рукахъ своя книжка, такъ, повидимому, каждый желаетъ быть и предъ Богомъ самъ по себѣ, совершенно независимо отъ другихъ, нисколько не сливаясь съ ними духовно въ общей молитвѣ. Кажется, все здѣсь должно быть куплено, взято съ бою,—даже право имѣть мѣсто въ церкви.

Самое священнодѣйствіе въ Англіи есть право извѣстнаго рода, получаемое за плату. Пасторскія мѣста здѣсь, связанная съ извѣстнымъ доходомъ или окладомъ содержанія, составляютъ принадлежность вотчиннаго права или патронатства. Выборъ на священническое мѣсто составляетъ достояніе или частныхъ землевладѣльцевъ, или короны въ силу не столько государственнаго, сколько владѣльческаго права. Пасторъ, назначенный на свое мѣсто безъ всякаго участія народа и нисколько не зависящій отъ него

1) Начало этого очерка см. въ № 1.

въ своемъ содержаніи, является среди него какъ бы княземъ, свѣше поставленнымъ.

Церковная должность въ Англіи прежде всего является привиллегіей, достояніемъ,—и стыдно сказать: достояніе это служить предметомъ купли и проджи. Мѣста главныхъ священниковъ такъ же сдаются за извѣстную цѣну, какъ мѣста стряпчихъ, нотаріусовъ, маклеровъ. Въ любой англійской газетѣ, въ отдѣлѣ объявленій, вы встрѣтите рядъ предложеній купить мѣсто священника, съ описаніемъ доходныхъ статей. Здѣсь расхваливается мѣсто, и описываются его удобства для жизни: домъ, мѣстоположеніе, доходныя статьи; далѣе указывается цѣна мѣста, и дѣлается предувѣдомленіе, что нынѣшній пасторъ старъ, ему столько-то лѣтъ, и онъ, вѣроятно, недолго будетъ пользоваться своимъ положеніемъ; наконецъ, указывается, куда слѣдуетъ обращаться для переговоровъ. Въ Лондонѣ издается даже особый журналъ, посвященный подробному описанію статей, угодій и доходовъ каждаго мѣста, для свѣдѣнія и расчета желающихъ получить его.

Изъ особенностей англиканскаго богослуженія К. Н. Фаминскій въ своемъ сообщеніи: „Впечатлѣнія русскаго путешественника касательно нѣкоторыхъ сторонъ религіозной жизни въ Англіи“—отмѣчаетъ его краткость, высокую дисциплину, видное положеніе проповѣди и приспособленность къ требованіямъ жизни. Англиканское богослуженіе чрезвычайно чувствительно ко всякаго рода явленіямъ жизни: кончается жатва,—церковь отвѣчаетъ на это особой службой; идетъ парламентская сессія,—церковь молится о томъ, чтобы Богъ помогъ представителямъ народа направить все къ общему благу и т. д.

Однако религіозная и молитвенная потребность въ массѣ народной, по указаннымъ выше причинамъ, не находитъ удовлетворенія въ установленной англиканской церкви и ищетъ для себя исхода въ вольныхъ, самоуставныхъ, церковныхъ собраніяхъ и разнообразныхъ сектахъ.

Дѣленіе церковнаго обряда въ Англіи, даже между жителями самага незначительнаго мѣстечка, непомѣрное.

Самая установленная церковь дѣлится на три партіи (высокой, низкой и широкой церкви). Сторонники каждой изъ этихъ партій имѣютъ обыкновенно свой храмъ и не ходятъ въ чужой. Въ каждой небольшой деревнѣ, гдѣ не болѣе 500 человекъ постоянного населенія, существуетъ нерѣдко три англиканскихъ церкви и, кромѣ того, три церкви методистовъ разныхъ трехъ толковъ. Послѣдователи этихъ толковъ, различаясь въ очень тонкихъ и капризныхъ подробностяхъ, отрѣшаются отъ молитвеннаго общенія между собою.

Частныя лица и отдѣльныя общества въ Англіи расходуютъ большія средства, чтобы доставить возможность простому народу участвовать въ богослуженіи. Приходится для этого строить отдѣльныя церкви или нанимать отдѣльныя помѣщенія—театры, залы, сараи и т. п. Но не странно ли, что здѣсь съ бою берутъ то, что у насъ, на Руси, отъ начала вольно, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ?

Но вотъ вы входите въ римскій храмъ (костель). Васъ удивитъ, прежде всего, то, что приходится входить въ него съ восточной стороны и обращаться лицомъ на западъ. Переходя отъ главнаго престола къ придѣламъ, вы замѣтите, что, къ какому бы придѣлу вы ни обратились,—вамъ придется стоять спиною къ другому придѣлу. Подлѣ стѣнъ по ту и другую сторону въ римскихъ храмахъ разставлены закрытыя исповѣдальни. Средина храма обычно заставлена стульями и скамьями, за которыя надо платить, какъ въ театрѣ. Западные храмы отличаются еще отъ нашихъ тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ иконостаса. Быть можетъ, потому алтарь и престолъ не пользуются на западѣ такою честью, какъ у насъ. Оттого здѣсь женщины не только входятъ въ алтарь, но даже сидятъ въ немъ, опираясь иногда руками на самый престолъ. По окончаніи литургіи, низшій церковнослужитель становится на самомъ престолѣ, чтобы снять свѣчи.

При входѣ въ костель васъ поразитъ также живость статуй и картинъ. Будто небо перенесено сюда для сопри-

сутствія съ вѣрующими чадами земной католической церкви. Но всмотритесь ближе,—и вы замѣтите, что это перенесеніе неба на землю совершенно путемъ, такъ сказать, захвата, путемъ оземляненія неба, его оплотненія. Васъ удивитъ художественный реализмъ позъ и выраженій; обиліе и разнообразіе Мадоннъ (изображеній Богоматери), нарисованныхъ съ натурщицъ; статуи, убранныя въ современные костюмы, по которымъ статую святого можно принять за простого смертнаго человѣка. Тамъ, вдали, вы замѣчаете фигуру какъ бы крестьянина или рабочаго; вы подходите ближе—и каково же ваше изумленіе, когда вы вдругъ убѣдитесь, что это—Христосъ!..

Одинъ путешественникъ рассказываетъ о своемъ посѣщеніи г. Алкалы—Энареса (древняя Комплота), родины Сервантеса и кардинала Циснероса, давшаго міру съ коллегией выдающихся ученыхъ Комплотенскую библію—полиглотту: „Захожу въ Magistral, главную церковь города. Услужливый испанецъ зажигаетъ свѣчу и показываетъ храмъ. Много скульптурныхъ священныхъ изображеній—вотъ *Nostra Senora*—Пресв. Дѣва, вотъ фигура Христа въ ростъ человѣка съ длинными натуральными волосами, въ шляпѣ и съ посохомъ въ рукахъ; вы думаете о матеріализаціи христіанскихъ идей въ католичествѣ, но и отдаете дань жизненности религіозныхъ уопредставленій католицизма, который слишкомъ приближаетъ Бога къ человѣку и его нуждамъ. Въ одной изъ церквей Мадрита мнѣ пришлось наблюдать, какъ молодая женщина—испанка въ пустомъ храмѣ плакала предъ статуей Пресв. Дѣвы *de los dolores*, крѣпко обнимая ноги Пресв. Дѣвы“¹⁾.

Но вотъ раздались звуки органа и капеллы. Вамъ невольно припоминается ветхозавѣтное богослуженіе съ его гуслиями и органами, трубными звуками и пѣснями, скаканіями и играніями. А капелла заставляетъ васъ выслушивать звуки итальянскаго концерта совершенно въ стилѣ оперы, со страстными выкрикиваніями соло и бурными порывами

1) „Изъ путевыхъ впечатлѣній по Испаніи“. Церк.-Общ. Вѣстн., 1913, № 31, стр. 10.

хора и органа. Но вотъ появляется патеръ. Его размѣренныя движенія, заученныя позы, искусственные жесты, театрално произносимые возгласы — невольно вызываютъ мысль, что вы находитесь скорѣе въ театрѣ, чѣмъ въ храмѣ.

Музыка, пѣніе, священнодѣйствія, всякаго рода церемоніи,—словомъ, вся обстановка католическаго храма вызываетъ не возвышенное религіозное чувство, а рядъ земныхъ впечатлѣній. Такому настроенію католическаго храма и богослуженія соотвѣтствуетъ и видъ молящихся. Если протестантъ съ чопорною холодностію, чинно и внимательно сидитъ на скамьѣ въ киркѣ, уткнувшись въ книгу, точь—въ—точь какъ прилежный школьникъ,—то въ латинскомъ костелѣ вы непременно встрѣтите или ползущую по ступенямъ къ Мадоннѣ богомолку, или распростертаго долу богомольца. Невольно возникаетъ мысль о ветхозавѣтномъ рабствѣ, объ отсутствіи чувства сыновняго дерзновенія предъ Богомъ, о забвеніи словъ апостола, что Господь есть Духъ,—а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода; мы же всѣ открытымъ лицомъ взираемъ на славу Господню, преображаясь въ тотъ же образъ отъ славы въ славу, какъ отъ Господня Духа (2 Кор. III, 17—18).

Припомнимъ также латинскія средневѣковыя мистеріи, совершавшіяся въ храмѣ 1). Не вывелись онѣ и теперѣ. Намъ припоминается правдивый разсказъ одной почтенной православной дамы о ея пребываніи въ польской Варшавѣ. „Была страстная седмица. Изъ любопытства я пошла въ костелы поклониться плащаницѣ. Вхожу иъ одинъ и вижу, что возлѣ плащаницы, по краямъ, стоятъ изображенія ангеловъ, автоматически вертящіяся, точно дѣтская кукла, съ подергиваніями. Въ другомъ костелѣ возлѣ плащаницы устроено искусственно озеро съ плавающими утками и лебедями. Правда, это красиво; но при чемъ эти утки и лебеди при страданіяхъ и погребеніи Спасителя,—я понять не

1) Въ нашей русской церкви также существовали нѣкоторыя „дѣйства“, напр. пешное дѣйство, хожденіе на ослати и проч.; но у насъ они никогда не были до такой степени тѣсно слиты съ самымъ богослуженіемъ и не имѣли столь широкаго примѣненія, какъ у католиковъ.

могла. Въ третьемъ костелѣ плащаница окружена рядомъ зеркалъ, и получается впечатлѣніе многихъ плащаницъ; вниманіе невольно разсѣивается, и для молитвенной сосредоточенности нѣтъ мѣста“.

Самую службу великой пятницы латиняне также не оставляютъ безъ наружныхъ эффектовъ. Чтобы представить мракъ, бывшій при смерти Спасителя, въ латинскихъ костелахъ закрываютъ обыкновенно всѣ окна, и на мѣстѣ главнаго престола вѣшается огромная икона, напр., предательство Іуды, или устрояется пещера, въ которой погребеньъ былъ Спаситель.

Приводимъ еще описаніе встрѣчи праздника Рождества Христова въ католической Испаніи. „Рождество на западѣ едва-ли не самый большой праздникъ въ году, какъ Пасха на востокѣ. Именно рождественская ночь въ католическомъ церковномъ культѣ играетъ роль нашей пасхальной. Въ ночь подъ Рождество совершается торжественная полуночная служба, аналогичная нашей пасхальной заутренѣ, и присутствіе на этой „обѣднѣ при пѣніи пѣтуха“ обязательно для вѣрующихъ.

Современная Испанія, конечно, плохо вѣруетъ; даже въ простомъ народѣ не замѣтно былой набожности. Но она еще очень полна церковной традиціонности и, по консерватизму испанскаго характера, вѣроятно, долго еще сохранитъ этотъ отгѣнокъ такъ же, какъ и свои средневѣковыя процессіи. Впрочемъ, даже вѣдь „безбожникъ“—Парижъ сдѣлалъ изъ рождественской ночи свой любимый праздникъ. Тѣмъ болѣе его традиція хранится на испанскомъ югѣ, гдѣ такъ долго и такъ горячо вѣрили... „Добрая ночь“ непременно должна быть отмѣчена посѣщеніемъ „пѣтушиной мессы“ и затѣмъ ночнымъ пиршествомъ, что у насъ назвали бы „разгавливаньемъ“.

Въ эту ночь вся Севилья не спитъ. Съ одиннадцати часовъ вечера отовсюду тянутся вереницы праздничныхъ тѣней къ церквамъ, горящимъ иллюминаціей,—картина, живо напоминающая родину въ пасхальную ночь. Мягкій, теплый воздухъ этого страннаго декабра, листва вѣчно-зе-

ленныхъ деревьевъ, цвѣты на улицахъ довершаютъ сходство. Конечно, это Пасха, наша Пасха,—и сейчасъ я услышу побѣдное и несравненное „Христось воскресе“... Съ трудомъ убѣждаешь себя, что это другой праздникъ, другая ночь и другая страна.

Главная служба въ соборѣ. Тамъ будетъ служить кардиналъ архіепископъ, тамъ лучшіе пѣвцы, лучшій проповѣдникъ и самый грамадный органъ. Половина Севильи идетъ туда.

О севильскомъ соборѣ знаетъ всякій, что это второй храмъ католичества по размѣрамъ, величайшій послѣ собора Св. Петра въ Римѣ... Даже въ самый яркій день старый соборъ окутанъ готическимъ сумракомъ, въ которомъ мерцаютъ по стѣнамъ фантастическія розы расписныхъ стеколъ... Тѣмъ мрачнѣе онъ сейчасъ ночью: люстры и лампы тонутъ въ этой темной громадѣ, какъ огни маяка надъ моремъ. Но въ этомъ каменномъ морѣ шумятъ людскія волны. Весь соборъ полонъ народа, вѣчно-шумнаго, вѣчно-живого, южнаго народа, который, кажется, рѣшительно не умѣетъ ни при какихъ обстоятельствахъ вести себя тихо. Они и здѣсь ходятъ, разговариваютъ, раскланиваются съ знакомыми, ухаживаютъ за дамами, черные туалеты которыхъ не перемѣнили своего излюбленнаго цвѣта даже ради праздника. Церковная служба идетъ своимъ чередомъ—поютъ, гремитъ органъ, старикъ—кардиналъ проходитъ изъ „хора“ въ главный алтарь и обратно, поддерживаемый со всѣхъ сторонъ цѣлой свитой „придворныхъ“. Но все это обращаетъ на себя мало вниманія. „Традиція“ требуетъ быть въ „добрую ночь“ въ этихъ стѣнахъ и только.

Зато приходятъ цѣлыми семьями, съ друзьями, знакомыми, съ дѣтьми и... съ собаками. Я не описался, читатель,—это именно такъ: вслѣдъ за входящей семьей вбѣгаетъ и домашняя собаченка—очевидно, неразлучный другъ дома. Ее никто не думаетъ гнать, и она, повертѣвшись, усаживается возлѣ стульевъ, занятыхъ членами семьи. Собаки приходятъ со стороны, а кошки, кажется, даже прямо проживаютъ при испанскихъ церквахъ—на столько онѣ въ нихъ представляютъ обычное явленіе.

Служба идетъ вяло, монотонно. Скучно поютъ пѣвцы, однообразно гудитъ великолѣпный органъ. Я ждалъ полуночи, все въ смутномъ чаяніи чего-то пасхальнаго. Но вотъ стрѣлки соединились на цифрѣ XII,—и моментъ прошелъ почти неотмѣченнымъ. Проповѣдникъ, что-то читавшій на кафедрѣ, продолжалъ читать... Ну, это уже не психологично и окончательно скучно. Очевидно, и за стѣнками „хора“ остались однѣ „традиціи“. И я пошелъ бродить по собору“.

Все богослуженіе остается для католиковъ чѣмъ-то чисто внѣшнимъ, рассчитаннымъ на эффектъ. Богомолецъ является не участникомъ въ немъ, а только зрителемъ. Онъ лишь присутствуетъ при немъ, но не дѣятельно. Участвуетъ же дѣятельно въ богослуженіи лишь духовенство, которос молится на своемъ правительственномъ языкѣ, мало доступномъ пониманію теперешнихъ европейскихъ народовъ,—ни языкѣ древне-латинскомъ.

Чтеніе и пѣніе въ костелахъ на чуждомъ для народа языкѣ, словъ котораго нѣтъ возможности разобрать, является не гимномъ народнаго собранія, не воплемъ, льющимся изъ души вѣрующихъ, а чтеніемъ и концертомъ, искусственно устроеннымъ, который покрываетъ собою богослуженіе, но не сливается съ нимъ.

Возражать, быть можетъ, что и въ русской церкви употребляется при богослуженіи устарѣлый языкъ церковно-славянскій. Но православная Церковь всегда признавала и нынѣ признаетъ, что церковное богослуженіе должно совершаться на языкѣ народномъ. Таково общее, основное правило, издревле признаваемое Церковію. Наша практика расходится въ этомъ общимъ правиломъ лишь въ томъ, что движеніе обряда не могло у насъ поспѣвать за движеніемъ организовавшагося языка—и только. Развитіе языка шло гораздо быстрѣе развитія церковнаго обряда. Здѣсь нѣтъ, однако, ничего похожаго на римскую практику, гдѣ отвергнуть самый принципъ древней Церкви. У насъ же церковно-славянскій языкъ весьма еще близокъ къ языку народному, особенно къ языку малороссовъ.

Высокомѣріе католическаго духовенства проявляется не въ одномъ богослужебномъ языкѣ, а и во многомъ другомъ. „Для католицизма характерны, —говоритъ В. В. Розановъ,—его постоянное высокоомѣріе въ отношеніи къ умственному уровню покоряемыхъ духовно странъ, самый тонъ пропаганды и какая-то боязнь свѣта. Штурмы католицизма обходятъ арміи покоряемой страны, прокрадываются въ сельское населеніе, пробираются къ блуждающимъ женщинамъ, у которыхъ много парусовъ и ни одного руля, вкрадываются къ „гонимымъ“ сектантамъ торопливо и охапкой „одобряя“ всѣ ихъ мнѣнія и особенности, но безъ всякаго серьезнаго вниманія къ этимъ особенностямъ, т. е. опять же безъ вниманія къ лицу и достоинству человѣка. И вездѣ католицизмъ идетъ, презирая тѣхъ, къ кому идетъ. И вездѣ онъ тащитъ одинокую, слабую, отставшую, отдѣлившуюся отъ стада овцу, которая блеетъ, не зная, куда повернуть голову. Тутъ онъ храбръ, въ потемкахъ, въ закутѣ, въ нашептываніи на ухо мужику или женщинѣ“¹⁾.

Самыя таинства мыслятся у католиковъ, какъ материально—чувственные каналы, по которымъ льется благодать. Ключи отъ этихъ каналовъ—у священника, который отворяетъ ихъ и затворяетъ. Почитаніе святыхъ использовано католиками, словно какой-то банкъ (сокровищница) сверхдолжныхъ дѣлъ, откуда въ случаѣ нужды можетъ позаимствоваться благонадежный папистъ. Тоже нужно сказать о чистилищѣ, ученіе о которомъ основано на чувственномъ представленіи загробнаго состоянія душъ и на превратномъ пониманіи силы и дѣйственности ходатайства Церкви для всѣхъ ея членовъ.

Когда искренній и глубоковѣрующій папистъ съ полнымъ подобострастіемъ и неумѣстнымъ благоговѣніемъ лобызаетъ туфлю римскаго первосвященника, считаетъ за святыню всякія реликвіи папы, совершаетъ тысячеверстныя паломничества, чтобы получить отъ святаго отца индульгенцію,—то не должно-ли все это вызывать въ насъ мысль,

1) „Россія и папство“. Нов. Время, 1913, мартъ. По Церк. Вѣстн. 1913 г., № 11, стр. 325.

что здѣсь земной глава Церкви отгѣснилъ и затмилъ небеснаго Главу Христа Спасителя. Не ясно-ли, что, лобызая туфлю папы и повергаясь въ прахъ предъ нимъ, правовѣрный католикъ забываетъ о Христѣ, невидимо живущемъ въ Церкви и управляющемъ ею, что здѣсь Христось-Богочеловѣкъ превращенъ въ папу-человѣка? 1)

А. Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Русское православіе и западныя исповѣданія въ богослуженіи и обрядѣ.

(О черкъ¹⁾).

Переходимъ къ богослуженію православной Церкви. Православіе, по его внутреннему сознанию и убѣжденію, является подлиннымъ апостольскимъ христіанствомъ по прямому наслѣдованію, хотя и въ опредѣленныхъ историческихъ формахъ, какихъ—въ духѣ своей эпохи и условій—не чужды были и первохристіанскія времена. *Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди.* Христіанство является для православія не ученіемъ (какъ для западныхъ исповѣданій), а жизнію таинственнаго общенія съ Богомъ во Христѣ и благодатнаго обновленія отъ Духа Святаго въ цѣлокупномъ братствѣ вѣрующихъ, когда всѣ они единеніемъ вѣры съ Сыномъ Божиимъ усыновляются въ Немъ Отцу Небесному и затѣмъ естественно бываютъ по благодати братьями между собою. Вотъ почему въ православіи доминируютъ благодатныя таинства, обнимающія все человѣческое существованіе по всѣмъ сторонамъ. Они тутъ не внѣшній символъ, не ритуальный аксессуаръ, устрояемый, расширяемый и сокращаемый по усмотрѣнію, а необходимая стихія самой живительности христіанства, обезпечиваемая іерархическимъ священствомъ по прямому преемству отъ Господа Спасителя²⁾.

Наилучшимъ выраженіемъ церковнаго самосознанія и богоощущенія является наше православное богослуженіе.

¹⁾ См. № 1 и 2.

²⁾ „Православіе по его существу“, проф. *Николая Глубоковского*. Христ. Чтеніе, 1914, январь, стр. 3—22. Правильно и то воззрѣніе, что православіе есть середина между крайностями протестантизма и католичества. Но середина эта—не выдуманная, а дѣйствительная,—та середина, какую занимаетъ всегда жизнь и истина, въ отличіе отъ крайностей заблужденія.

Эпоха его составленія—I—IX в.в.—есть эпоха неповторяемая. Въ тѣ первые вѣка христіанства возрожденное и обновленное во Христѣ челоѳчество такъ сильно, реально и осязательно чувствовало Бога и Его несказанную любовь, какъ свое внутреннее благо,—такъ живо сознавало наступленіе царствія Божія,—какъ послѣ ощущали и сознавали только отдѣльныя и исключительныя личности. То было время религиознаго экстаза, когда челоѳкъ, подобно ап. Павлу, былъ „восхищенъ до третьяго неба и слышалъ неизреченныя глаголы“, какихъ челоѳку на обыкновенномъ его языкѣ нельзя и передать, безъ самаго этого ощущенія. То было сплошное благоговѣніе и восторгъ челоѳческаго духа предъ ново-открывшеюся жизнію во Христѣ. То было такое полное причастіе божественной жизни, какое потомъ не повторялось.

Это ясное, осязательное и сознательное переживаніе жизни Божіей челоѳкомъ и отпечатлѣлось съ великою силою въ нашемъ искони вѣковъ идущемъ богослуженіи. Все оно полно самаго живого, реальнаго богоощущенія и богосознанія. Чѣмъ ближе челоѳкъ къ идеалу Христову, тѣмъ способнѣе онъ понять и пережить ту новую жизнь, которая отлилась въ эти дивныя богослужебныя формы. И дѣло здѣсь вовсе не въ самыхъ формахъ, не въ художественномъ изяществѣ и богатствѣ ихъ,—а въ томъ; что скрыто за этими формами.

Сравните бѣдное богослуженіе сельскаго храма, совершаемое съ должнымъ настроеніемъ, и пышное богослуженіе великолѣпнаго городского собора, совершаемое безъ такого настроенія. Вы сразу увидите, что суть богослуженія не во внѣшнемъ блескѣ и великолѣпіи, не въ безукоризненной плавности движеній, не въ утонченной музыкѣ напѣвовъ,—словомъ, не въ обстановкѣ богослуженія. Пусть все это будетъ въ богослуженіи втораго рода, но оно не вызоветъ молитвеннаго настроенія, если въ немъ не будетъ искренности и неподдѣльности настроенія совершителей и молящихся.

Вся сила и духъ богослуженія въ переживаніи святой жизни, которая отлилась въ богослужебныя формы,—въ томъ переживаніи богообщенія, когда Богъ ощущается какъ внутреннее верховное благо человѣка, когда воля Божія становится вполнѣ господствующею надъ волею человѣка, когда человѣкъ ощущаетъ въ себѣ святую радость и миръ царствія Божія, когда онъ переживаетъ восторгъ совершенно неземной.

Это-то богослуженіе въ чистомъ и неизмѣнномъ его видѣ доселѣ хранить, какъ зѣницу ока, Церковь русская, православная. Возьмемъ совершеніе таинства евхаристіи—этого средоточія всего православнаго богослуженія. Всѣхъ своихъ членовъ Церковь православная приобщаетъ къ своему Спасителю тѣлеснымъ съ Нимъ объединеніемъ—вогъ смыслъ евхаристіи. Какая разница отъ западныхъ исповѣданій, характеръ которыхъ высказывается здѣсь во всей наготѣ! Латиняне готовы видѣть въ таинствѣ евхаристіи внѣшне-магическое и единичное дѣйствіе благодати на вѣрующаго, допуская, поэтому, тайную мессу. Настаивая на существѣ таинства, т. е. на дѣйствительномъ преложеніи земныхъ элементовъ (хлѣба и вина) въ небесное тѣло, католики, по неизмѣнной своей привычкѣ, истолковываютъ духовное дѣйствіе, какъ чисто вещественное, и унижаютъ таинство до того, что оно въ ихъ пониманіи превращается въ какое-то атомистическое чудо. Это стремленіе такъ явно, что одинъ благочестивый, хотя и неученый, священникъ, читая разсужденія латинянъ по этому вопросу, въ благочестивомъ ужасѣ воскликнулъ: „Господи, что же это они говорятъ такое? Они, кажется, принимаютъ тѣло Христово за мясо Христово!“

Католикъ разсуждаетъ о физической сущности таинства, отличая ее отъ случайныхъ ея принадлежностей. Протестантъ отрицаетъ возможность присутствія тѣла Спасителя въ таинствѣ на томъ основаніи, что это тѣло, по слову апостола, пребываетъ въ небесной славѣ, одесную Отца. Ни разу слово вѣры не раздалось ни на той, ни на другой сторонѣ; ни разу живой свѣтъ преданія не бросилъ ни од-

ного луча въ печальный мракъ этихъ схоластическихъ преній.

Не то въ православіи. Здѣсь евхаристія есть таинство собранія, тайна пріобщенія тѣлу и крови Христовымъ именно въ собраніи вѣрующихъ, въ ихъ взаимной любви и братскомъ общеніи. Таинство Христа совершается именно въ соборномъ единеніи вѣрующихъ, ихъ взаимною любовью и священнодѣйствіемъ предстоятеля престола Божія. Православный священникъ не можетъ служить тайной, или тихой, литургіи неслышнымъ шопотомъ, только для себя одного.

Переходимъ къ обзорѣню подробностей и обстановки православнаго богослуженія. При входѣ въ старинный, истово православный русскій храмъ, вы сразу чувствуете, что это—не церковно-приходская школа для взрослыхъ, не религіозный театръ, а именно домъ Божій, домъ святыхъ, домъ молитвеннаго созерцанія и возношенія сердець горѣ. При самомъ входѣ въ этотъ храмъ сами собою оставляютъ васъ всякія житейскія попеченія; вы невольно забываете, оставляете за порогомъ храма все суетное, мірское, житейское.

Таинственный полумракъ, съ мерцающими лампадами и свѣчами чисто пчелинаго воска—этими дарами и знаками любви къ Богу со стороны вѣрующихъ,—этотъ полумракъ не раздражаетъ вашихъ глазъ рѣзкими и храму не подобающими свѣтовыми эффектами. Напротивъ, онъ успокоительно дѣйствуетъ на взволнованную душу, какъ бы знаменуя тотъ невечерній и незаходимый свѣтъ, какой свѣтитъ въ царствѣ Отца небеснаго.

Спокойные лики святыхъ, безъ всякихъ эффектныхъ сценъ, рѣзкихъ позъ, вычурныхъ одеждъ,—отрѣшенные отъ всякой чувственности, болѣе символическіе, чѣмъ реально-художественные,—какъ будто смотрятъ на васъ изъ пренебесной выси, изъ страны духа, святости, неизмѣнной правды и радостнаго покоя...

Посмотрите на живопись въ православномъ храмѣ. Какъ, при всей иногда простотѣ, иконопись наша далека отъ западныхъ образцовъ! Какая одухотворенность видна на ликахъ! Выраженіемъ православнаго вѣросознанія въ этомъ отношеніи можетъ служить извѣстное сказаніе объ Эдесскомъ правителѣ Авгарѣ. Этотъ правитель пожелалъ имѣть изображеніе Христа Спасителя и для этой цѣли послалъ своего художника въ Палестину. Тщетное желаніе!.. Геній чело-вѣка-художника не въ состояніи былъ уловить ни единой черты богочеловѣческаго Лица, ни единой черты не могъ запечатлѣть своими руками на полотнѣ. Только Самъ Христосъ могъ создать нерукотворенный образъ Своего безгрѣшнаго Лица, т. е. отнюдь не реально-художественную картину, а именно только образъ-икону. Въ этомъ сказаніи выражена одна изъ коренныхъ истинъ православія. Въ древнѣйшее время Церковь предпочитала символическія изображенія Христа—въ видѣ монограммы, агнца, рыбы, добраго пастыря. А позднѣе, съ широкимъ развитіемъ христіанскаго искусства, мы встрѣчаемъ всегда только однообразно-правильные и условно—символическіе образа Христа, безъ всякихъ чисто чело-вѣческихъ чертъ западнаго реализма. И православная Церковь въ теченіе вѣковъ строго слѣдила за правильностью и святостію изображеній Христа Спасителя, предписывая для сего художникамъ строго опредѣленныя правила въ такъ называемыхъ иконописныхъ подлинникахъ. Говоря иначе, истое православіе знаетъ только образъ или икону Спасителя, а не картину, не портретъ.

Въ отношеніи вѣрности завѣтамъ древней церкви стоитъ сравнить убрусы восточно-православный и западно-католическій. На убрусѣ Вероники (католическомъ) мы имѣемъ реально-чувственное изображеніе страдальческаго и чисто чело-вѣческаго Лица Христа, даже окровавленнаго, а на убрусѣ, исцѣлившемъ Авгаря (православномъ) мы созерцаемъ свѣтло-божественный и чудодѣйственный Ликъ Христа.

То же слѣдуетъ сказать объ изображеніяхъ Богоматери. Западная Мадонна, нарисованная съ натурщицы и раз-

ряженная въ національный костюмъ, едва-ли не по послѣд-
нему требованію моды,—можетъ возбуждать въ истово-пра-
вославномъ челоѣкѣ какое-то странное чувство, далекое
отъ благоговѣнія. Ликъ Богоматери и предвѣчнаго Младен-
ца въ нашей Церкви всегда имѣеть строго-опредѣленный
видъ иконы, а не портрета или картины.

Въ послѣднее время входитъ въ употребленіе Васнецов-
ское изображеніе Богоматери, когда Она изображается въ
полный ростъ (въ куполѣ собора св. Владиміра въ Кіевѣ).
Типъ этотъ становится господствующимъ въ церковныхъ
изображеніяхъ и, возможно, скоро вытѣснитъ другіе типы.
Однако усердствовать въ этомъ распространеніи не слѣ-
дуетъ; должно непремѣнно сохранить около нихъ и привыч-
ное русскому глазу и русской мотитвѣ поясное и грудное
изображеніе Богоматери. Образъ Васнецова—хорошъ, очень
хорошъ. Но образъ этотъ не идеаль, не завершеніе—и хо-
рошъ онъ въ своемъ мѣстѣ, при извѣстныхъ условіяхъ.
Старое, обычное, поясное изображеніе Св. Дѣвы (образъ
Божіей Матери Казанской, Знаменія и пр.) выше его пото-
му уже, что не утомляетъ, будучи постояннымъ и повсюд-
нымъ. Напротивъ, если бы случилось на десяти иконахъ подъ
рядъ увидѣть „все Васнецова“,—всѣ сейчасъ же почувство-
вали бы утомленіе и однообразіе.

То же и въ отношеніи къ иконамъ святыхъ. Правос-
лавіе вовсе не желаетъ знать, напримѣръ, какъ напряжены
были мускулы и какое выраженіе имѣли глаза Свят. Николая,
когда онъ горѣлъ огнемъ священной ревности о славѣ
Божіей. Православный христіанинъ желаетъ созерцать вели-
каго чудотворца не такимъ, какимъ онъ былъ въ извѣст-
ный историческій моментъ своей земной жизни и какимъ
уже пересталъ быть, но—такимъ, каковъ онъ теперь, т. е.
какъ угодника Божія, помощника вѣрующихъ въ нуждахъ
и молитвенника за нихъ предъ Богомъ. Въ этомъ созер-
цаніи нѣтъ мѣста никакому реализму, никакой чувстви-
тельности, никакой плотяности.

Въ частности, русская церковь до послѣдняго времени
строго слѣдовала завѣтамъ истиннаго православія, допуская

иконы-образа, а не картины, или портреты съ натуры. Частичныя исключенія въ копіяхъ съ западныхъ оригиналовъ и въ оригинально-русскихъ изображеніяхъ Христа въ видѣ еврейскаго учителя—это только измѣна завѣтамъ истиннаго православія. Подлинный православно-русскій геній отвращается отъ этихъ картинъ, не узнаетъ въ нихъ ни Христа, ни Богоматери,—считаетъ ихъ за профанацію святого православія.

Поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ художника Иванова, написавшаго извѣстную картину „Явленіе Христа народу“. Примѣръ этотъ особенно поучителенъ потому, что художникъ со школою западнаго реализма соединилъ истинно-русскій геній и истово православное вѣросознаніе. Всмотритесь въ это великое созданіе русскаго художника, какое представляетъ собою картина „Явленіе Христа народу“. Вотъ мощный, полный движенія и выразительности образъ Крестителя, представляющій олицетвореніе пророческаго „гласа, вопіющаго въ пустынь“. Вотъ пораженные то наивно-дѣтскимъ, то спокойно-торжественнымъ, то благоговѣйно-смирненнымъ ожиданіемъ провозглашаемаго Агнца Божія слушатели и ученики пророка пустыни. Вся обстановка картины, всѣ ея частности—все дышитъ жизнью, все наглядно, реально. Все это какъ бы живымъ взято изъ дали вѣковъ и цѣликомъ перенесено на полотно великимъ русскимъ художникомъ.

Но, владѣя даромъ запечатлѣвать языкомъ красокъ самыя тончайшія изгибы человѣческой души, великій русскій художникъ оказался немощнымъ въ отношеніи къ образу Христа—средоточію всей картины. Истово-православный религіозный геній громко говорилъ художнику, что изобразить Христа въ реально-художественномъ видѣ, хотя бы и привлекательномъ, съ типично-человѣческимъ только лицомъ сирійца, или даже іудея—значило бы изобразить обычнаго еврейскаго раввина, а не Искупителя міра, не Богочеловѣка.

Религіозный геній подсказалъ православному художнику, какъ нельзя изобразить Христа, но онъ не могъ дать ему отвѣта на вопросъ: какъ должно изобразить Христа въ этой реально-художественной обстановкѣ картины, потому что Христось, въ этомъ смыслѣ, неизобразимъ и неописуемъ. Стоящій вдали незаконченный, туманно-неопредѣленный образъ грядущаго Агнца Божія на картинѣ Иванова болѣе приближается къ православно-символической иконописи, чѣмъ къ западно-художественному реализму всей картины ¹⁾.

Пѣніе въ православномъ храмѣ—ровное, спокойное, мелодично-стройное, тихое, безъ рѣзкихъ выкриковъ, безъ раздражающихъ слухъ завываній—способно укрощать душевныя страсти современныхъ Сауловъ и утишать сердечныя бури.

Русское церковное пѣніе, какъ народная пѣсня, льется широкой струею изъ народной груди, и чѣмъ оно вольнѣе, тѣмъ полнѣе говоритъ сердцу. Напѣвы у насъ одинаковые съ греками, но русскій народъ иначе поетъ ихъ, потому что положилъ въ нихъ свою русскую душу. Кто хочетъ послушать, какъ эта душа сказывается, тому надобно идти не туда, гдѣ орудуютъ голосами знаменитые хоры и капеллы, гдѣ исполняется музыка новыхъ композиторовъ. Ему надо слушать пѣніе въ благоустроенномъ монастырѣ, или въ одной изъ тѣхъ приходскихъ церквей, гдѣ сложилось добрымъ порядкомъ хоровое пѣніе. Тамъ услышитъ онъ, какимъ широкимъ, вольнымъ потокомъ выливается праздничный ирмосъ изъ русской груди, какою торжественною поэмой выпѣвается догматикъ,—слагается стихира съ канонархомъ, какимъ одушевленіемъ радости проникнуть канонъ Пасхи или Рождества Христова!

¹⁾ Русская церковь допускала и такъ наз. „портретныя“ изображенія на иконахъ; но иконы эти никогда не занимали виднаго мѣста въ храмахъ, а помѣщались въ притворахъ, либо изображенія эти находились не на самыхъ иконахъ, а у подножія ихъ.

Тутъ оглянемся и увидимъ, какъ отзывается каждое слово пѣсни церковной въ народномъ собраніи, какъ блещитъ оно въ поднятыхъ взорахъ,—носится надъ склоненными головами, отражается въ припѣвахъ. несущихся отовсюду, потому что всякому церковному человѣку знакомы съ дѣтства и слова, и напѣвы, и во всякомъ душа поетъ, когда онъ ихъ слышитъ... Подлинно, это тѣ звуки, о которыхъ сказалъ поэтъ, что имъ „безъ волненья внимать невозможно“...

Кто съ дѣтства привыкъ къ этимъ звукамъ, сколько у того отъ нихъ поднимается всякій разъ воспоминаній и образовъ изъ той великой поэмы прошлаго, которую каждый прожилъ и каждый носить въ себѣ!..

Искренніе любители и цѣнители церковнаго пѣнія нынче не могутъ ходить въ большіе храмы, ибо тамъ молитвенная музыка замѣнена концертной. Этотъ концертизмъ вмѣстѣ съ вычурностью живописи и архитектурнаго стиля—истинные бичи православія. Можетъ быть, ничто такъ не повліяло на упадокъ народной вѣры въ послѣднія десятилѣтія, какъ это вторженіе моды въ церковное искусство. Въ вѣка живой вѣры понимали, что стиль вѣры нельзя мѣнять безъ пораженія самаго существа ея. Поэтому долгими столѣтіями держался одинъ и тотъ же характеръ въ постройкѣ храмовъ, въ живописи (такъ называемой византійской), въ устройствѣ иконостаса и въ напѣвахъ.

Стиль во всемъ этомъ становился наслѣдственно-привычнымъ и потому глубоко священнымъ, возбуждавшимъ религіозное чувство. Когда начали строить храмы всевозможныхъ наружныхъ видовъ, когда стали ломать многоэтажные иконостасы и замѣнять западно-европейскими загородочками и ширмочками для алтаря, когда ввели концерты, оперные напѣвы,—духъ народный невольно утратилъ древнее настроеніе вѣры и сбился съ тона. Необходимо всѣми мѣрами бороться съ этимъ больнымъ мѣстомъ православной церковной жизни, надо оберегать исторически-установившійся церковный стиль съ усердіемъ и любовью.

Вѣдь привычка—вторая природа. Достаточно хорошія

привычки отъ времени дѣлаются все лучше, и ихъ слѣдуетъ оберегать, какъ святыню. Даже частности, даже мелочи въ общемъ порядкѣ религіознаго воздѣйствія имѣютъ огромное значеніе. Завели, напримѣръ, недавно электричество въ большихъ храмахъ—и настроеніе сложилось уже не совсѣмъ то, что было прежде. Возможна поэзія лучины, восковой свѣчи, лампадки... Но лампа Эдиссона, какъ все новое, слишкомъ молода для поэзіи. Вотъ почему и излишній концертнизмъ въ церковномъ пѣніи, увлеченіе имъ надо считать серьезнѣйшимъ недостаткомъ церковной жизни. Въ церковной музыкѣ, кромѣ развѣ геніальныхъ новшествъ, надо брать только древнее, похожее на вѣчность, ибо только такое превращается въ нѣчто національное, сообразованное съ душой народной, всегда милое и для нея священное. Уважая церковный напѣвъ, какъ сложившуюся душу народнаго пѣнія, у насъ почему-то въ послѣднее время позволяютъ такъ и этакъ ломать напѣвы древнихъ, какъ самъ народъ, молитвъ

Священнодѣйствія въ православномъ храмѣ—спокойныя, безъ театральныхъ жестовъ и искусственныхъ интонацій, полныя глубокаго религіознаго символизма—внушаютъ невольное чувство благоговѣнія и поднимаютъ сердца вѣрующихъ горѣ. Присутствующіе за богослуженіемъ не сидятъ, какъ школьники, на своихъ скамьяхъ съ устремленными въ книжку глазами, не простираются ницъ, не ползаютъ рабски во прахѣ, но стоятъ „прѣсти“, готовые внимать словамъ божественной премудрости, съ сердцемъ, горящимъ небеснымъ огнемъ, и со взорами, устремленными горѣ.

Священнослужитель поставленъ въ православной церкви при богослуженіи такъ просто, что отъ него требуется только благоговѣйное вниманіе къ произносимымъ словамъ и совершаемымъ дѣйствіямъ. Въ устахъ его и черезъ него священныя слова и обряды сами за себя говорятъ—и какъ глубоко и таинственно говорятъ душѣ каждаго и соединяютъ все собраніе въ одну мысль и одно чувство! Оттого самый простой и неискусный человѣкъ въ званіи священника, можетъ, не подстраивая себя, не употребляя

искусственныхъ усилій, совершать молитвенное дѣйствіе и вступать въ молитвенное общеніе со всею церковною общиною.

Церковное чтеніе въ православныхъ храмахъ, разъ оно совершается внятно, благоговѣнно и съ пониманіемъ его смысла самимъ читающимъ,—неизмѣнно и постоянно производитъ неизгладимое впечатлѣніе на вѣрующихъ. Православныя богослужебныя книги—это поистинѣ неисчерпаемая сокровищница самой возвышенной, самой чистой религіозной поэзіи, дѣйствующей на сердце и на умъ. Только въ духовной поэзіи богослуженія сокрыта тайна убѣждать безъ доказательствъ внутреннею красотою и скрытою въ нихъ святостію. И православная Церковь до сихъ поръ молится словами величайшихъ духовныхъ поэтовъ и писателей—Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, Космы Маюмскаго и др., религіозныя переживанія коихъ ни съ чѣмъ несравнимы. По сравненію съ этими дивными твореніями всѣ эти кантаты Лютера, всѣ эти духовныя пѣсни нашихъ рационалистическихъ и мистическихъ сектантовъ представляются чѣмъ то бѣднымъ, безцвѣтнымъ, лишеннымъ духа и силы.

Прочитайте канонъ великой пятницы предъ плащаницею (плачь Богоматери). Сколько въ немъ теплаго материнскаго чувства, сколько въ немъ неземной тоски! Прочитайте со вниманіемъ канонъ—бесѣду Богоматери съ архангеломъ на Благовѣщеніе. А каноны на Преображеніе и на Троицу! Вдумавшись и вслушавшись въ ихъ содержаніе, вы начинаете проникаться возвышенной мистикой этихъ поэтическихъ импровизацій, этихъ лирическихъ драмъ, съ діалогами, монологами—гдѣ такъ много разлито теплаго религіознаго чувства. Не говоримъ уже про то радостное настроеніе, которое содержится и, можно сказать, бьетъ черезъ край въ Пасхальномъ канонѣ св. Іоанна Дамаскина. А его же воскресные ирмосы: „вскую мя отринулъ еси отъ лица Твоего, свѣте незаходимый“, или: „Ты—моя крѣпость, Господи, Ты моя и сила, Ты—мой Богъ, Ты—мое радованіе“. А того же Іоанна Дамаскина погребальный ка-

нонъ! Это произведеніе останавливало на себѣ вниманіе глубоко-одаренныхъ поэтовъ, съ чуткой душой, напрімѣръ, гр. Алексѣя Толстого, и вызывало подражанія. Но всѣхъ перловъ, сокрытыхъ въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, не перечестъ.

А. Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Русское православіе и западныя исповѣданія въ богослуженіи и обрядѣ.

(О черкъ 1).

Если всмотрѣться внимательно въ обряды православной Церкви, то въ нихъ не трудно усмотрѣть глубочайшій сокровенный смыслъ. Православная Церковь, какъ заботливая мать, окружила молитвою, благословеніемъ и благожеланіемъ всю земную жизнь христіанина—отъ колыбели до могилы. Нѣтъ того жизненнаго положенія, нѣтъ той скорби житейской, куда бы Церковь не внесла своего свѣта, своего теплаго участія, своего назиданія. Людямъ, живущимъ въ союзѣ съ православною Церковью, нѣтъ нужды подробно рассказывать объ этомъ: они по опыту знаютъ эту материнскую любовь Церкви православной.

Остановиться подробнѣе слѣдуетъ на погребальномъ обрядѣ православной Церкви, наиболѣе яркомъ и типичномъ. Какъ относится протестантъ къ тѣлу покойника,—о томъ была рѣчь раньше. У насъ, въ Россіи, характерная народная черта—это религіозное отношеніе къ мертвому тѣлу, исполненное любви, нѣжности и благоговѣнія.

Нигдѣ во всемъ мірѣ, кромѣ нашей страны (язычники—китайцы и японцы не въ счетъ), погребальный обычай и обрядъ не выработался до такой глубокой, можно сказать, виртуозности, до какой онъ достигаетъ у насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ его складѣ отразился нашъ народный характеръ, съ особеннымъ, присущимъ нашей природѣ, міровоззрѣніемъ.

Ужасны и отвратительны черты смерти повсюду, но мы одѣваемъ ихъ благолѣпнымъ покровомъ, мы окружаемъ ихъ торжественною тишиною молитвеннаго созерцанія, мы

1) См. № 1, 2 и 3.

поемъ надъ ними пѣснь, въ которой ужасъ пораженной природы сливается воедино съ любовью, надеждой и благоговѣйной вѣрой. Мы не бѣжимъ отъ своего покойника, мы украшаемъ его въ гробѣ, и насъ тянетъ къ этому гробу не изъ празднаго любопытства, а съ цѣлю взглянуть въ черты духа, оставившаго свое земное жилище. Мы поклоняемся тѣлу и не отказываемся дать ему послѣднее цѣлованіе, и стоимъ надъ нимъ три дня и три ночи съ чтеніемъ, съ пѣніемъ, съ церковною молитвой.

Погребальныя молитвы наши исполнены красоты и величія. Онѣ весьма продолжительны и не спѣшатъ отдать землѣ тѣло, тронутое тлѣніемъ,—и, когда слышишь ихъ,—кажется, не только произносится надъ гробомъ послѣднее благословеніе, но совершается вокругъ него великое церковное торжество въ самую торжественную минуту бытія человѣческаго! Какъ понятна и какъ любезна эта торжественность для русской души!

Иностранецъ, за рѣдкими единичными исключеніями, рѣдко понимаетъ нашу погребальную торжественность, потому что она—совсѣмъ ему чужая. У насъ чувство любви, пораженное смертію близкаго человѣка, расширяется въ погребальномъ обрядѣ; у него—оно болѣзненно сжимается отъ того же обряда и поражается однимъ ужасомъ.

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить разницу въ отношеніяхъ къ мертвому тѣлу великоросса и малоросса. Въ то время, какъ первый не спѣшитъ погребать своего покойника, охотно выдерживаетъ его у себя въ домѣ положенные три дня,—малороссъ,—очевидно, подъ косвеннымъ вліяніемъ поляковъ-католиковъ и нѣмцевъ колонистовъ-протестантовъ,—стремится предать тѣло землѣ возможно раньше. Въ этомъ стремленіи, пожалуй, возможно усматривать и дѣйствіе условій климатическихъ и причинъ экономическихъ: всякій лишній день, когда покойникъ въ домѣ, требуетъ лишнихъ расходовъ.

Впрочемъ, и на Западѣ наши сосѣди начинаютъ надлежащимъ образомъ цѣнить погребальный и поминальный русскій обрядъ.

Когда разнеслась скорбная вѣсть о кончинѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III, то вмѣстѣ съ плачущею православною Россіею пожелала помолиться объ упокоеніи его души королева Великобританіи, любившая и глубоко почитавшая нашего Царя-Миротворца. Въ своей церкви она не могла найти никакихъ пѣснопѣній для удовлетворенія своей сердечной потребности, такъ какъ въ англиканствѣ до послѣдняго времени не допускались моленія объ упокоеніи душъ усопшихъ. Но нашлись люди, указавшіе королевѣ на нашу чудную священную пѣснь: „Со святыми упокой“. Пѣснь эта немедленно была переведена на англійскій языкъ, и англійскій текстъ ея положенъ на нашъ же церковный мотивъ.

Это родное намъ „Со святыми упокой“ въ первый разъ прозвучало въ англиканской церкви въ день погребенія Александра III, и именно въ частной дворцовой капеллѣ Виндзорскаго дворца, за особымъ богослуженіемъ, происходившимъ какъ разъ въ то время, когда въ Петропавловскомъ соборѣ совершался чинъ погребенія: королева Викторія со всѣми наличными членами королевской семьи присутствовала при богослуженіи. Слова пѣснопѣнія и наша церковная мелодія, введенныя въ англиканскую службу, поразили молящихся.

Въ сороковой день по смерти Александра III, по желанію королевы, поминальная служба съ нашимъ „Со святыми упокой“ вновь была повторена въ Виндзорѣ, но уже не въ частной церкви королевы, а въ примыкающемъ ко дворцу соборѣ, называемомъ капеллой св. Георгія.

14 января 1895 года „Со святыми упокой“ опять огласило своды того же собора, но на этотъ разъ оно впервые было пропѣто въ день поминаенія англиканина по вѣрѣ, а именно внука королевы, герцога Кларенскаго, умершаго за два года предъ тѣмъ.

Когда скончался зять королевы, принцъ Генрихъ Баттенбергскій,—по желанію королевы и ея овдовѣвшей дочери, принцессы Беатрисы, „Со святыми упокой“ въ первый разъ было внесено въ чинъ англиканскаго погребенія. Дѣло въ

томъ, что наша церковная пѣснь и своимъ глубокимъ смысломъ, и своими чудными звуковыми сочетаніями производила на молящихся столь глубокое впечатлѣніе, что королева приказала, наконецъ, внести ее въ книгу придворнаго церковнаго ритуала съ тѣмъ, чтобы она постоянно была включаемая во всѣ поминальныя и погребальныя богослуженія англійскаго двора.

Пропѣтая въ присутствіи королевы до двадцати разъ, православная поминальная пѣснь невольно привлекла къ себѣ общее вниманіе англиканъ. Она переносится теперь изъ храма въ храмъ и со временемъ, несомнѣнно, войдетъ въ общее употребленіе въ англиканской церкви.

Нѣсколько словъ, пропѣтыхъ изъ удивительной восточной церковной пѣсни, прозвучали, по словамъ герцогини Бедфордской, совсѣмъ инымъ аккордомъ. Они не гармонировали съ общимъ строемъ поминальнаго богослуженія, въ которое были вставлены. У англиканъ есть много прекрасныхъ церковныхъ гимновъ, вышедшихъ изъ-подъ пера ихъ лучшихъ народныхъ поэтовъ. Но, несмотря на поэтическую прелесть и неподдѣльное чувство христіанской религіозности, они ничего не говорятъ скорбящей душѣ вѣрующаго, стремящейся отрѣшиться отъ всего земнаго и излить горячую молитву предъ Творцомъ о любви, милосердіи и всепрощеніи къ почившему собрату. Они, несомнѣнно, прекрасны въ смыслѣ размышленія одинокой души, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, совсѣмъ не подходятъ къ выраженію настроенія собранія христіанъ, сошедшихся вмѣстѣ для преданія своего почившаго живому Богу.

На этотъ диссонансъ между англиканскимъ богослуженіемъ и вставленнымъ въ него нашимъ „Со святыми упокой“ первая обратила вниманіе герцогиня Бедфордская, предрасположенная къ молитвенному общенію съ почившими, въ виду понесенныхъ ею утратъ, въ лицѣ отца и мужа. Свободно владѣя греческимъ языкомъ, она пріобрѣла себѣ греческій Евхологій и принялась изучать по нему чинъ православнаго погребенія.

Плодомъ этого изученія явилась ея книжка, въ кото-

рой для англиканской церкви предлагается цѣлый чинъ поминовенія усопшихъ, или, иными словами, паннихида. Вновь изданная книга всѣмъ содержаніемъ своимъ, и въ особенности составомъ предлагаемой англиканамъ паннихиды, отличается большую умѣлость и опытность. Паннихида цѣликомъ заимствована изъ нашего православнаго требника, изъ чина „погребенія мірскихъ чловѣкъ“. Несомнѣнно, паннихида наша откроетъ себѣ путь въ сердца англиканъ.

Православная паннихида,—пишетъ Биркбекъ—извѣстный англійскій дѣятель по соединенію церквей,—если ее служить большое число епископовъ и духовенства, является поразительнѣйшей службой, какую только можно себѣ представить. Я присутствовалъ въ февралѣ 1896 года въ Исаакіевскомъ Соборѣ въ Петербургѣ, на годичномъ благодарственномъ богослуженіи по случаю отпущенія на волю крѣпостныхъ. За литургіей, которая была совершена со всѣмъ блескомъ и торжественностью, которые обычны въ Россіи въ большіе праздники, слѣдовала паннихида по Императорѣ Александрѣ II. Служащее духовенство, числомъ около восьмидесяти, все одѣтое въ облаченіе изъ серебряной парчи, вышло черезъ царскія врата алтаря въ среднюю часть храма. Митрополитъ и четыре епископа заняли мѣста на возвышенномъ амвонѣ подъ большимъ куполомъ въ центрѣ собора, а священники образовали два ряда по обѣ стороны отъ амвона до алтаря. Въ срединѣ стоялъ столъ съ коливомъ, окруженный діаконами съ кадильницами въ рукахъ. Діаконы, каждый поочередно, принимали участіе въ службѣ вмѣстѣ съ двумя громадными хорами—митрополичьимъ и соборнымъ, которые стояли по обѣ стороны царскихъ вратъ въ своихъ голубыхъ съ золотомъ форменныхъ одеждахъ—приблизительно 160 голосовъ въ общемъ—такихъ голосовъ, какіе можно слышать только въ Россіи.

Все огромное зданіе собора было наполнено отъ одного конца до другого тысячами молящихся изо всѣхъ классовъ русскаго общества, начиная государственными сановниками въ ихъ роскошныхъ мундирахъ и кончая крестьянами въ ихъ овчинныхъ тулупахъ—каждый съ зажженной свѣчей.

Это описаніе можетъ дать нѣкоторое понятіе о русскихъ поминальныхъ службахъ по ихъ знаменитымъ покойникамъ. Конечно, тѣ паннихиды, которыя служатся по частнымъ лицамъ, не имѣютъ такой блестящей обстановки. Тѣмъ не менѣе то же богослуженіе употребляется и по бѣднѣйшимъ крестьянамъ, когда ихъ близкіе просятъ объ этомъ.

Немного въ христіанскомъ мірѣ богослуженій,—заканчиваетъ г. Биркбекъ свои впечатлѣнія отъ православной паннихиды,—исполненныхъ болѣе красоты и величія, какъ паннихиды въ деревняхъ Россіи, и ничто такъ хорошо не показываетъ той силы, какую получила православная Церковь въ любви къ ней русскаго народа.

Несмотря, однако, на всѣ эти попытки ко взаимному пониманію, все же трудно понять насъ иновѣрцу, такъ же, какъ намъ дико и противно слышать о возникшей недавно въ германскомъ и англійскомъ обществѣ агитации, требующей введенія новаго погребальнаго обряда. Тамъ хотятъ, чтобы мертвые не предавались землѣ, а сожигались въ особо устроенныхъ печахъ,—и требуютъ этого съ утилитарной и гигиенической точки зрѣнія. Пропаганда крематоріевъ усиливается, составляются общества, устраиваются за счетъ частныхъ лицъ усовершенствованныя печи (крематоріи), производятся химическіе опыты... Голоса въ печати въ пользу крематоріевъ растутъ, крики усиливаются во имя науки, во имя просвѣщенія, во имя блага общественнаго.

Голоса эти достигаютъ и нашихъ русскихъ верховъ; были оживленные толки по этому вопросу и въ нашей столицѣ. Движеніе было настолько сильно, что въ официальномъ церковномъ органѣ этотъ вопросъ былъ освѣщенъ съ церковно-канонической точки зрѣнія. Изъ какого далекаго міра, изъ какого чуждаго быта доносятся до насъ эти звуки, и какой это міръ чужой для насъ, какой непріютный и холодный! Нѣтъ. Не дай Богъ, умереть въ томъ краю, на чужбинѣ, вдали отъ матери сырой земли русской!..

Припоминается одно неизгладимое впечатлѣніе. Давно это было. Я шелъ наканунѣ Рождества по узенькимъ обледенѣлымъ дорожкамъ монастырскаго кладбища, пробираясь

къ знакомой дорогой могилѣ. Короткій день угасалъ, и краснымъ заревомъ заходило или, вѣрнѣе сказать, закатывалось багряное солнце далеко за предѣлы кладбища, за его оградой.

Я шелъ, спѣшилъ... Но все же невольно останавливался, любуясь снѣжнымъ уборомъ деревьевъ и всей величественной и какой-то таинственной красотой зимы—заиндевѣвшими чугунными крестами, заиндевѣвшими рѣшетками кругомъ часовень и могилъ. Великолѣпны были эти часовни, черный мраморъ которыхъ зима превратила въ бѣлый, и онъ казался бархатнымъ съ тысячами мелкихъ звѣздочекъ—искръ, которыя вспыхивали и переливались всѣми цвѣтами радуги при яркихъ послѣднихъ лучахъ солнца.

Мнѣ пришлось замедлить шагъ, такъ какъ передо мною шли два мальчугана, а впереди ихъ дама, которой они ежеминутно задавали вопросы, а она отвѣчала имъ скороговоркой неизмѣнно: да... да... Одинъ изъ малышей поскользнулся и ухватился за нее. Она обернулась, и я увидѣлъ миловидное круглое лицо, блестяшіе черные волосы и припухшіе, вѣрно отъ слезъ—вѣки.—Она была въ глубокомъ траурѣ. „По комъ?—мелькнуло у меня въ головѣ. И, окинувъ взглядомъ пальтишки мальчиковъ, изъ которыхъ они уже выросли, и ея тоже бѣдный костюмъ:—„плохо,—подумалъ я,—если это мужъ—кормилецъ семьи“...

И, точно въ отвѣтъ на мою мысль, одинъ изъ мальчиковъ спросилъ ее:

— А ты вчера принесла елку папѣ? — Да...да...—А она хорошенькая?—Да... да...—А папа ее видитъ?... Но тутъ другой мальчикъ вскрикнулъ: „вонъ, вонъ папи на могилка!“—И они оба побѣжали вправо. И немного поодаль я увидѣлъ свѣжую могилу съ цѣлымъ пригоркомъ изъ зеленыхъ вѣнковъ и елочкою у подножія креста. Она, эта маленькая женщина, тоже, конечно, увидѣла могилку и тяжело застонавъ, опустилась на стоящую у края дорожки скамью.

Я хотѣлъ подойти, но съ чѣмъ? съ какимъ вопросомъ? съ какой услугой? Она, видимо, чуждалась даже сво-

ихъ дѣтей и хотѣла хоть на мгновеніе остаться одна. Бѣдная женщина! Она всю дорогу отвѣчала имъ: „да, да“, но въ сердцѣ ея было теперь одно холодное, вѣчное: „нѣтъ“.

Мнѣ тоже стало тяжело на сердцѣ, всколыхнулись во мнѣ самомъ жгучія, больныя воспоминанія, и почти съ облаковъ, съ дальней дымки—стали вырисовываться дорогіе образы, дорогія лица... Пелена снѣга стала темнѣть. Засіяли огоньки въ лампадахъ... ударили въ колоколь: протяжно, торжественной волной прокатился по кладбищу этотъ призывной звонъ.

Кладбище... Какая поэзія! Какія хорошія чувства, какія глубокія думы рождаетъ оно! Неужели скоро все это, все замѣнитъ крематорій и каменное зданіе, въ стѣнахъ котораго будутъ шкафики съ урнами?

Кладбище... Сюда заботливыя руки принесутъ къ Рождеству елочку на дорогую могилку, вербы—передъ страстной недѣлей, яичко—на свѣтлой пасхальной недѣлѣ, на Троицу—букетъ цвѣтовъ... Сколько во всемъ этомъ любви и утѣшенія!

И вдругъ... только шкафики, полочки для урнъ! Нѣтъ голубого неба... не видно лампадъ. Видимъ только потерю, смерть... Смерть матеріи безъ порывовъ въ высъ... безъ воскресенія духа...

А. Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Русское православіе и западныя исповѣданія въ богослуженіи и обрядѣ.

(О черкъ¹⁾).

Кто русскій человѣкъ душою и обычаемъ, тотъ понимаетъ, что значить храмъ Божій, что значить православная церковь съ ея богослуженіемъ для русскаго человѣка. Мало самому быть благочестивымъ, чувствовать и уважать потребность религіознаго чувства. Этого мало для того, чтобы уразумѣть смыслъ церкви для русскаго народа и полюбить эту церковь, какъ свою, родную. Надо жить народною жизнію, надо молиться заодно съ народомъ, въ одномъ церковномъ собраніи, чувствовать одно съ народомъ біеніе сердца, проникнутаго единымъ торжествомъ, единымъ словомъ и пѣніемъ. Православная церковь красна народомъ. Какъ войдешь въ нее, такъ почувствуешь, что въ ней все—едино, все народомъ осмыслено и народомъ держится.

И это съ самага начала русской исторіи, съ самага начала біенія русскаго сердца. Раскроемъ первое свидѣтельство о біеніи этого сердца народнаго, русскаго. По сказанію русскаго лѣтописца, великій князь Кіевскій Владиміръ Святославичъ, прежде чѣмъ принять православную христіанскую вѣру, послалъ „добрыхъ и смысленыхъ мужей числомъ 10“ къ болгарамъ, къ нѣмцамъ и къ грекамъ, „испытать кождо ихъ службу, и кто какъ служить Богу“. Когда посланные возвратились, то рассказали князю Владиміру и его боярамъ слѣдующее.

„Ходихомъ въ болгары, смотрихомъ, како ся поклоняють въ храмѣ, рекше въ ропати (въ капищѣ), стояще безъ пояса; поклонився сядеть, и глядитъ сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадь

¹⁾ См. №№ 1, 2, 3 и 4.

великъ, нѣсть добръ законъ ихъ. И приидохомъ въ нѣмцы, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоея же. И приидохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему, и не свѣмы (не знаемъ), на небѣ ли есмы были, ли на земли: *нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такая, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то въмы, яко онѣдѣ Богъ съ челоувѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ.* Мы убо не можемъ забыть красоты тоя; всякъ бо челоувѣкъ, аще вкусить сладка, послѣди горести не примаеть, тако и мы не имамы сдѣ быти“.

Вотъ наилучшее и наияснѣйшее свидѣтельство русскихъ дѣтей природы о величїи, красотѣ и силѣ православнаго (греческаго) богослуженїя. Такъ говорили лучшіе русскїе люди (тогдашняя интеллигенція), еще будучи язычниками. Принявши православную вѣру, русскїе люди еще болѣе полюбили православное богослуженїе, еще болѣе привязались къ нему своимъ горячимъ сердцемъ. Эта привязанность нагляднымъ образомъ выразилась особенно въ любви русскаго народа къ созиданїю и украшенїю храмовъ. Первый христіанскїй князь св. Владимїръ, „повелѣвшїй, послѣ крещенїя, рубить церкви по градомъ“, олицетворяеть собою какъ бы весь храмолюбивый русскїй народъ.

Православная Церковь со всею ея благолѣпною обстановкою во всѣ времена была для русскаго народа школою благочестїя, въ которой онъ получалъ уроки истиннохристіанской жизни. Кїевскїй лѣтописецъ подъ 1200 г. пишетъ о жителяхъ Кїева и его окрестностей, посѣщавшихъ церковь Михайловскаго Златоверхаго монастыря ¹⁾: „Днесъ множество вѣрныхъ кїевлянъ и насельники окрестные начинаютъ имѣть всѣ большую и большую любовь ко храму Архистратига Господня Михаила: ибо утверждая неподвижно ноги свои на благоукрашенномъ зданїи и взирая очима своими, отовсюду привлекають веселїе въ душу, и *имъ кажется, что они будто на аерѣ (воздухѣ) возносятся и*

¹⁾ Церковь эта заложена была кн. Святополкомъ 11 іюля 1108 г.; въ 1908 г. праздновался 800-лѣтнїй юбилей ея.

такъ съ любовію едва отходятъ. Нынѣ отъ многихъ сердецъ отнялись суетныя помысленія и маловѣрные глаголы“¹⁾. „Яко же бо дождь раститъ сѣмя,—писалъ Симонъ, епископъ Владимірскій, къ черноризцу Поликарпу,—такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла“. И только подъ сѣнью такой именно воспитательницы—церкви могло создаться то величіе духа, которымъ русскій народъ изумлялъ и изумляетъ весь міръ.

Всегда было на св. Руси и теперь еще есть, что у насъ въ церкви можно забыть обо всѣхъ сословныхъ и общественныхъ различіяхъ, отрѣшиться отъ мірскаго положенія, слиться совершенно съ народнымъ собраніемъ, предъ лицомъ Бога. Наша церковь (храмы) большею частію и создана на всенародныя деньги, такъ что рубль отъ гроша отличить невозможно. Во всякомъ случаѣ, церковь наша есть всенародное дѣло и общенародное достояніе.

Оттого она всѣмъ намъ вдвое дороже, что, входя въ нее, послѣдній нищій чувствуетъ совершенно такъ же, какъ и первый вельможа, что это *его* церковь. Церковь единственное мѣсто (какое счастье, что у насъ есть такое мѣсто!), гдѣ послѣдняго бѣдняка въ рубищѣ никто не спроситъ: зачѣмъ ты пришелъ сюда и кто ты такой? Церковь единственное мѣсто, гдѣ богатый не можетъ сказать бѣдному: твое мѣсто не возлѣ меня, а сзади. Ничего подобнаго, какъ мы видѣли раньше, нѣтъ на христіанскомъ западѣ.

Наша церковь искони имѣла и доселѣ имѣетъ и сохраняетъ значеніе всенародной церкви и духъ любви и безразличнаго общенія. Вѣрою народъ нашъ держится и доселѣ посреди всѣхъ невзгодъ и бѣдствій, и, если что можетъ поддержать его, укрѣпить и обновить его въ дальнѣйшей исторіи, такъ это вѣра, и одна только вѣра церковная, православная.

Часто говорятъ и пишутъ, особенно въ послѣднее время, что народъ нашъ невѣжда въ вѣрѣ своей, исполненъ суевѣрій, страдаетъ отъ дурныхъ и порочныхъ привычекъ. Говорятъ, что наше духовенство грубо, невѣжественно, без-

¹⁾ Полн. собр. р. лѣт., т. 2, 154.

дѣйственно, принижено, маловѣрно и мало имѣетъ вліянія на народъ. Все это во многомъ справедливо, но все это—явленія не существенныя, а случайныя и временныя. Они зависятъ отъ многихъ условій,—и прежде всего отъ условій экономическихъ и политическихъ, съ измѣненіемъ коихъ и явленія эти рано или поздно измѣнятся. Что же существенно? Что принадлежитъ духу?

Любовь народа къ церкви, свободное сознание полного общенія въ церкви, понятіе о церкви, какъ объ общемъ достояніи и общемъ собраніи, полнѣйшее устраненіе словнаго различія въ церкви и общеніе народа со служителями церкви, которые изъ народа вышли и отъ него значительно не отдѣляются ни въ житейскомъ быту, ни въ самыхъ недостаткахъ, съ народомъ и стоятъ, и падаютъ. Это—такое поле, на которомъ можно возрастить много добрыхъ плодовъ, если работать въ глубь, заботясь не столько о томъ, чтобы число церквей не превышало потребности, сколько о томъ, чтобы потребность въ церкви не оставалась безъ удовлетворенія.

Нерѣдко нашему духовенству ставятъ въ примѣръ приличную внѣшность католическаго польскаго духовенства, его свѣтскій лоскъ, умѣнье держать себя въ обществѣ, вліять на массы. Оказывается, что это только внѣшняя дрессировка, приобрѣтенная исторически, скрывающая подъ своей блестящей поверхностью внутреннюю пустоту, нравственное убожество.

Польское общество и печать имѣли особыя причины, чисто политическія, скрывать тайны закулисной жизни своего духовенства. Съ утратою политической самостоятельности, костель и при немъ ксендзь приобрѣли для поляка особое политическое значеніе, какъ убѣжище, какъ оплотъ національной самобытности, какъ орудіе вліянія на народъ въ извѣстномъ направленіи.

Увлечшись политической дѣятельностію и высоко цѣнимое обществомъ за нее, католическое польское духовенство въ частной жизни не отличалось строгою нравственностью. Выступленіе маріавитовъ показало, что нравствен-

ная жизнь польскаго духовенства поражена страшнымъ недугомъ, моральною гангреною. Любостяжаніе, соединенное съ грубымъ, безсовѣстнымъ вымогательствомъ за требы, заносчивое безсердечное обращеніе съ народомъ, беззаботная, эпикурейская жизнь, проходящая въ пьянствѣ, кутежахъ, карточной игрѣ, псовой охотѣ и другихъ совѣмъ недуховныхъ развлеченіяхъ, но особенно развратъ—разнообразный, открытый, циничный, развращеніе женщинъ, злоупотребленіе для этого конфессіоналомъ (исповѣдью)—обычныя явленія въ жизни католическаго духовенства.

Приведенная характеристика польскаго католическаго духовенства не страдаетъ преувеличеніемъ; въ ней нисколько не сгущены краски. Извлечена она изъ официальнаго источника, вполне достовѣрнаго. Она принята, какъ заслуживающая полнаго довѣрія, четвертымъ всероссійскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ въ Кіевѣ 1908 года. Судите же послѣ этой характеристики, нашему православному духовенству есть ли въ чемъ подражать польскимъ ксендзамъ, и не есть ли доброе по существу и цѣлямъ маріавитское движеніе—движеніе къ древней церковной чистотѣ вѣрованія и жизни—движеніе къ истому православію?

Какъ часто случается у насъ въ Россіи слышать странныя рѣчи о нашей Церкви отъ людей, бывавшихъ за границей, читавшихъ иностранныя книги, любящихъ судить красно съ чужого голоса, или просто отъ людей наивныхъ. Эти люди не находятъ мѣры похваламъ англиканской, или германской церкви и англиканскому духовенству и не находятъ мѣры осужденія нашей Церкви и нашему духовенству. Если вѣрить имъ,—тамъ все живая дѣятельность, а у насъ мертвечина, грубость и сонъ. Тамъ дѣла, а у насъ голая обрядность и бездѣйствіе.

Немудрено, что многіе говорятъ такъ. Между людьми принято, что по платью встрѣчаютъ человѣка. Говорятъ: „по уму провожаютъ“; но, чтобы узнать умъ и распознать духъ, надо много присмотрѣться и поработать мыслью, а по платью судить не трудно. Составишь себѣ готовое впечатлѣніе и такъ при немъ останешься.

Притомъ есть много людей, для которыхъ первое дѣло, первый и окончательный рѣшитель впечатлѣнія—внѣшнее благоустройство, манера, ловкость, чистота. Въ этомъ отношеніи, конечно, есть на что полюбоваться хотя бы въ англійской церкви, есть о чемъ попечалиться въ нашей. Особенно достойно вниманія и подражанія провозженіе воскреснаго дня англичанами и семейное у нихъ чтеніе Библии. Въ нѣмецкой, въ англійской семьѣ отецъ каждый вечеръ беретъ въ руки Библию комментарную (съ объясненіями) и читаетъ изъ нея главу собравшемуся семейству. Это—святая минута въ жизни семьи. И отецъ въ ней является не только физическимъ родителемъ, а наставникомъ духа своихъ дѣтей и всѣхъ домочадцевъ. Чѣмъ-то патриархальнымъ, чистымъ вѣетъ отъ этой семейной картины. Это возвышаетъ отца въ глазахъ его дѣтей, а самое чтеніе возвышаетъ нравственную и умственную атмосферу семьи, утишая страсти, заставляя забывать всякія дразги. Каждый вечеръ звучатъ въ семьѣ святыя слова, и можетъ ли это не оставить слѣда въ сердцахъ,—въ чистыхъ, отзывчивыхъ дѣтскихъ сердцахъ. Англійская и нѣмецкая семья уже сами по себѣ составляютъ маленькую единомышленную церковь, и дѣти, когда вырастутъ и разойдутся въ разныя стороны, никогда не забудутъ тѣхъ мгновеній, когда внимали чтенію святого слова въ семьѣ. Это—лучшій способъ усвоенія христіанскаго ученія, и, можетъ быть, отсутствіе въ русской семьѣ Библии и обычая семейно читать ее—есть главное основаніе холодности къ вѣрѣ нашихъ интеллигентовъ.

А. Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Русское православіе и западныя исповѣданія въ богослуженіи и обрядѣ.

(О черкъ 1).

Кому не случалось встрѣтить свѣтское, а иной разъ, къ сожалѣнію, и духовное лицо, изъ бывшихъ за границею, съ жаромъ и огульно восхваляющее тамошніе церковные порядки, и огульно же осуждающее нашу родимую „за незрѣлость?“ Грустно бываетъ слышать такія рѣчи, какъ грустно видѣть сына, когда онъ, поживъ въ высшемъ кругу, посреди тонкостей столичной жизни, возвращается въ деревню, гдѣ провелъ когда-то дѣтство свое, и смотритъ съ презрѣніемъ на непрехотливую обстановку и на простые,— пожалуй, грубоватыя,—обычаи родной семьи своей, справедливо говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ. (Моск. Сборн.).

Къ счастью, за послѣднее время и въ свѣтскую печать начали проникать иныя настроенія. Часто въ ней описывается вся величественная простота православнаго богослуженія по сравненію съ инославными церквами. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (мартъ, 1911 г.) нѣкто М. Туринскій передаетъ впечатлѣнія о своей жизни за границей.

„Одну пасху и страстную мнѣ пришлось провести,— пишетъ онъ,—въ маленькомъ городишкѣ Германіи. Когда то въ немъ шумѣла яркая жизнь столицы маленькаго двора, а теперь это—тихий уголокъ, извѣстный своей чудной библіотекой да дорогими останками жившихъ и работавшихъ въ немъ писателей. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка здѣсь жила одна изъ дочерей Императора Павла Петровича, выданная замужъ за здѣшняго властителя. Отъ ея временъ осталась во дворцѣ русская церковь съ причтомъ. И вотъ въ этой-то крохотной церковкѣ я и бывалъ на всѣхъ службахъ страстной недѣли и на пасхальной заутрени. Богомольцевъ было слишкомъ мало, и нѣтъ, поэтому, ничего

1) См. №№ 1—5.

удивительнаго въ томъ, что батюшка скоро меня запримѣтилъ и познакомился со мной.

Не могу, къ слову, не замѣтить, что, если чѣмъ намъ, русскимъ, слѣдуетъ гордиться за границей, то это прежде всего образцовымъ составомъ нашихъ причтовъ при заграничныхъ церквахъ. Условія ихъ жизни и дѣятельности весьма тяжелы и отвѣтственны: мѣстное населеніе, не расположенное и предубѣжденное, смотритъ за ними въ оба глаза и старается поставить каждое лыко въ строку. Посольства наши,—не во гнѣвъ имъ будь сказано,—поддерживаютъ свои церкви далеко недостаточно, а пріѣзжіе за границу туристы изъ Россіи менѣе всего склонны интересоваться церковными дѣлами.

И вотъ, предоставленное почти исключительно самому себѣ, наше духовенство за границей сумѣло поставить себя образцово и, начиная съ самыхъ настоятелей и кончая послѣдними псаломщиками, эти клиры съ большимъ достоинствомъ поддерживаютъ предъ Европой достоинство русскаго имени. И тому, кто соскучится на чужбинѣ по родному обществу, мой искренній совѣтъ идти знакомиться не въ посольство и, конечно, не къ консулу, а въ дома причта, гдѣ его, навѣрно, ждетъ и радушный ласковый пріемъ, и прекрасное общество, сохранившее въ цѣлости и на чужбинѣ всѣ лучшія черты нашего русскаго обихода.

Вотъ почему я никогда не пропускаю возможности побывать за границей въ русской церкви. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на меня пасхальная заутреня.

Что-то странное было въ сознаніи, что слышишь эти дорогія и съ колыбели близкія пѣснопѣнія за тысячи верстъ отъ родного дома. И, можетъ быть, именно потому они на этотъ разъ производили особенно сильное впечатлѣніе, глубоко западая въ душу, будя въ ней забытые образы и картины. Это заставляло забывать и про чрезвычайно малые размѣры храма, и про малочисленность богомольцевъ, и про скудость всей обстановки.

Послѣ службы батюшка пригласилъ и меня въ числѣ другихъ богомольцевъ къ себѣ на домъ, по русскому обы-

чаю, разговѣтся. Здѣсь ждалъ насъ совсѣмъ настоящей уголокъ Россіи. Во всей обстановкѣ не было ничего иностраннаго, начиная съ фотографіи кавказскихъ героевъ и преосвященныхъ по стѣнамъ и кончая клѣтками съ канарейками на окнахъ. И можно было подумать, что всю свою обстановку батюшка цѣликомъ перевезъ сюда изъ какого-нибудь Свіяжскаго или Чернскаго уѣзда. Однимъ словомъ, въ домѣ о. настоятеля царилъ русскій духъ и Русью пахло“.

А вотъ и другой свидѣтель—русскій же туристъ изъ религиозныхъ богоискателей—В. В. Розановъ. Этотъ, видимо, боится, какъ бы новые богоискатели-интеллигенты не сочли его очень церковнымъ православнымъ человѣкомъ. Но врожденное художественное чутье къ высшей правдѣ заставляетъ его правдиво передать свои впечатлѣнія.

Въ канунъ св. Ольги вспомнилъ,—пишетъ В. В. Розановъ,—что у меня въ Петербургѣ двѣ именинницы, и кромѣ того произошло нѣчто дома, за что слѣдовало „поблагодарить Бога“, и я отправился въ русскую церковь въ Наугеймѣ.

Ея не видно... и даже подходя съ улицы, издали я все еще не узнавалъ русской церкви. Мнѣ было досадно, что я не видѣлъ издали сіяющаго на всѣ стороны креста, не видѣлъ золотого или зеленого купола. Что-то бѣдное и какъ будто загнанное въ сторону. И только вотъ-вотъ, совсѣмъ подойдя, я надъ входомъ увидѣлъ изображеніе Николая Чудотворца, въ томъ его отгнѣнкѣ изображеній, гдѣ онъ представляется болѣе чѣмъ всегда старымъ,—съ волосами рѣдкими и какъ будто разсѣвающимися въ воздухѣ, и лицомъ крайне гнѣвнымъ, строгимъ до гнѣва.

— „Это такъ, это наше“,—подумалъ я, увидя образъ, и ужъ безъ колебанія вступилъ „въ свой храмъ“.

Какое чувство!.. но оно въ самомъ дѣлѣ есть. Вездѣ, ходя по Наугейму, я чувствовалъ, что хожу по чужой землѣ, среди не нашихъ деревьевъ, брожу въ какой-то дальней и не родной культурѣ... Но еще я поднимался только на первыя ступеньки узкаго и неудобнаго входа, еще не слышалъ пѣнья, ничего,—какъ началъ ступать съ необыкновен-

ною твердостью, сапоги точно стали срастаться съ землею, и ощущение, гордое и свободное, совершенно независимое „отъ нихъ“, охватило меня... Еще шагъ, два, три... Въ дверь, въ лицо гудитъ навстрѣчу: „Господи помилуй“, „Господи помилуй“ и сейчасъ протяжно—„аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя—слава Тебѣ, Боже“... И я вошелъ, какъ властелинъ къ властелинамъ же (молящимся), съ такимъ чувствомъ собственности, какого и представить нельзя...

„Наше! Стоимъ и не уйдемъ... И никто насъ не тронетъ, не смѣетъ тронуть. Тутъ мы въ своемъ царствѣ, тутъ мы на родинѣ“.

Церковь однако ужасно бѣдна. Она вся изъ сѣраго камня, и какъ снаружи ея сѣрый камень, такъ и внутри она являетъ тотъ же сѣрый, скудный цвѣтъ... Молящихся много... Потомъ только я догадался, что на завтра много Ольгъ, но сперва понялъ это безкорыстно, и сейчасъ отъ этого стало теплѣе. Все было хорошо, очень серьезно, очень усердно.

Священникъ лѣтъ 50, какъ будто нѣсколько греческаго типа (очень смугль). Бѣдность храма сказалась и въ томъ, что риза, очевидно, не по нему: сшита на средней ростъ, „вообще“, тогда какъ онъ ниже средняго, и риза едва не касается пола. Это нехорошо. Но, такъ какъ риза „больше чѣмъ по росту“, то она пышно раздувалась при движеніяхъ священника, и какъ онъ самъ былъ достойнаго и гордаго вида, нѣсколько властнаго,—то все въ общемъ давало отѣнокъ великолѣпія. Все пѣло и говорило почему-то о власти, силѣ, достоинствѣ...

„Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа...“ Любимый мой моментъ во всенощной. И все такое наше... Костромское, Московское, Нижегородское, Петербургское. Просто точно „опять на родинѣ!“ Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ такъ!

Какіе наивные посланники—шепталъ я въ себѣ—воображаютъ, что они „представляютъ Россію...“ Ее представляютъ, конечно, священникъ и дьячекъ и вотъ всѣ молящіеся... И Серафимъ Саровскій... вотъ онъ, точь-въ-точь

какъ въ Петербургѣ... на большомъ образѣ въ деликатномъ сложеніи рукъ и склоненіи головы... Божія Матерь—въ васнецовскомъ оттѣнкѣ, который, кажется, становится господствующимъ въ церковныхъ изображеніяхъ.

Помянули послѣ „Святѣйшаго Синода...“ и господина нашего Владиміра, епископа Кронштадтскаго. Это—новизна: всѣ заграничныя церкви, т. е. духовенство ихъ, объединены подъ управленіемъ одного епископа. Но сердце иначе выслушало бы въ Наугеймѣ слова: „и господина нашего митрополита Московскаго“. Тогда „заграница“ вся почувствовала бы иное, услышавъ голосъ изъ Москвы, или о Москвѣ. (Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что съ марта 1911 года заграничныя церкви не имѣютъ особаго епископа и попрежнему подчинены вѣдѣнію митрополита Петербургскаго, коего и поминаютъ на молитвахъ).

Зазвонили на „достойно“. Но и звонъ некрасивый. Раскосый какой то и путаный. „Не нашъ“ и ничей. Этого таланта здѣсь нѣтъ. И колокола малы и невыразительны.

Хоръ тоже бѣденъ. Три-четыре человекъ, среди нихъ одна барышня. Поютъ такъ себѣ. Какъ это слабѣе женевскаго хора, который я слышалъ лѣтъ шесть назадъ. Про тотъ хоръ мнѣ рассказывали удивительную вещь: по нотамъ, гдѣ написаны русскія слова (молитвы) латино-французскими буквами, пѣли любители и любительницы изъ французскаго женевскаго населенія, съ примѣсью только небольшого процента нашихъ (закваска), и пѣли великолѣпно, безукоризненно въ произношеніи, и стройно..., вовсе не понимая словъ, смысла, ничего! Почти—ничего. „Какъ все это произошло?“—спрашивалъ я.—„Ужасно любятъ наше богослуженіе!“ — разъяснилъ мнѣ псаломщикъ: —„и сами напросились въ пѣвчіе. А такъ какъ нельзя же и долго бы ихъ учить славяно-русскому языку, то между линеекъ нотъ имъ и вписали молитвы французскими буквами“.

Онъ рассказалъ мнѣ потомъ, что еще недавно умеръ старый-старый католическій священникъ, уже на покоѣ жившій, больной. Онъ не пропускалъ ни одной русской службы и говаривалъ, что теперь въ старости и болѣзни

нигдѣ не чувствуетъ себя такъ хорошо и „дома“, какъ слушающій и созерцающій русскую службу,—хотя и полупонятную ему. Никогда такого служенія не слышалъ, какъ при „соборованіи“, каковое есть дѣйствительно самая художественная, самая трогательная служба, или треба, изъ всѣхъ существующихъ. Старый католическій священникъ плакивалъ при этой службѣ, и ему въ старости и болѣзни все въ ней казалось своимъ, роднымъ, единымъ на потребу.

Въ Женевѣ,—пишетъ В. В. Розановъ,—меня поразила красота службы—всею сплосью при открытыхъ дверяхъ. На удивленіе мнѣ объяснили, что это вездѣ такъ дѣлается за границей: царскихъ вратъ не затворяютъ. Канонично это, или нѣтъ,—не знаю; но виденъ тутъ Московскій дальній взглядъ: „пусть бусурмане позавидуютъ,—вѣдь ничего подобнаго у нихъ нѣтъ“. Дѣйствительно, нѣтъ“.

А вотъ впечатлѣнія русскаго человѣка отъ Біаррица.

— Помимо причудливой красоты Біаррица, исключительныхъ климатическихъ условій, которыми онъ обязанъ углу Гольфстрема и горной цѣпи Пиринеевъ,—намъ, русскимъ, дорогъ Біаррицъ еще потому, что здѣсь есть русскій православный храмъ.

Пріѣхавъ въ Біаррицъ и, само собою разумѣется, отправившись посмотреть на прибой море—океана, вы непременно остановите глаза на куполѣ, съ золотымъ крестомъ русскаго, своего храма. Сначала пока не покупаетесь, не погуляете, не отдохнете, какъ слѣдуетъ, „это“ и не производитъ впечатлѣнія, а потомъ... дай-ка зайду. И вотъ въ шесть часовъ вечера вы входите. „Благословенъ Богъ нашъ“...—звучитъ низкій грудной нашъ русскій возгласъ священника. Мягко свѣтятъ электрическія лампочки „въ высѣхъ“; внизу, передъ иконостасомъ, еще мягче горятъ свѣчи прихожанъ.—„Свѣте тихій!“ Храмъ полонъ прихожанъ, вы узнаете лица, которыя не привычны „у себя“, дома ходить въ церковь, да еще ко всенощной. Тутъ и министры, и кадеты, и дамы, проповѣдующія у себя о пяти свободахъ. Господи! Да не случайно-ли это? Нѣтъ. Приходите на слѣдующее богослуженіе—тоже. Такъ въ чемъ же штука зак-

лючается? А въ томъ, что именно здѣсь, въ русскомъ православномъ храмѣ, вы вдругъ почувствуете себя „у себя“, въ Россіи.

Здѣсь, за границей, вы ощущаете сладость быть русскимъ, и это ощущеніе такъ сильно хлещетъ по вашимъ нервамъ, что вы опять и опять придете, чтобы, вступая въ храмъ православія, ощутить Россію! Таково чувство: „здѣсь я у себя“! Хорошее это чувство. Національное самосознаніе, гордость принадлежности къ нашей великой націи—большое дѣло; и это дѣло за границей дѣлаетъ куполь православної церкви!

А. Д.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Русское православіе и западныя исповѣданія въ богослуженіи и обрядѣ.

(О черкъ¹⁾).

Не даромъ и не напрасно на нашихъ глазахъ совершается поддѣлка подъ православное богослуженіе. Католики отлично выразумѣли и учли силу вліянія православнаго богослуженія на вѣрующую душу и умѣло ею пользуются для привлеченія православныхъ и даже старообрядцевъ русскихъ подъ власть римскаго первосвятителя. Они знаютъ, что богослужебная обстановка, внѣшность производитъ первое и часто трудно изгладимое впечатлѣніе на посѣтителя. И вотъ, исходя изъ этой правильной мысли, они устроили въ нашей сѣверной столицѣ для русскихъ католиковъ молитвенный домъ на Полозовой улицѣ.

Въ свѣтской печати имѣется уже описаніе этого молитвеннаго дома, и передаются производимыя имъ на посѣтителя впечатлѣнія. Храмъ, говорятъ, производитъ странное впечатлѣніе. На первый взглядъ онъ дѣйствительно напоминаетъ православную церковь, но стоитъ взглянуть чуть-чуть попристальнѣе, и это сходство исчезаетъ.

Какъ и въ православныхъ церквахъ, алтарь отдѣляется отъ средней части храма иконостасомъ. Послѣдній устроенъ въ два яруса, съ тремя дверями: царскими, сѣверными и южными. Такъ называемыя „мѣстныя иконы“ Спасителя и Божіей Матери написаны подъ старинное греческое письмо, при чемъ для привлеченія, вѣроятно, будущихъ прозелитовъ изъ старообрядчества,—Иисусъ Христосъ изображенъ благословляющимъ двуперстно. Передъ этими иконами стоятъ большіе серебряные подсвѣчники съ толстыми фарфоровыми свѣчами, но на этомъ сходство и оканчивается.

¹⁾ См. №№ 1—6.

Если не считать двухъ хоругвей, спрятанныхъ за круглой печкой, да богослужебныхъ одеждъ и сосудовъ,—то во всемъ храмѣ не найдется болѣе ровно ничего, что напоминало бы о восточномъ обрядѣ. Всѣ остальные иконы какъ въ иконостасѣ, такъ и по стѣнамъ церкви, чисто католическія: Мадонны, Сердца Иисусова, Страстей Христовыхъ; рамы на нихъ увѣнчаны четырехконечнымъ латинскимъ крестомъ.

Еще рѣзче сказывается вліяніе латинства въ устройствѣ алтаря. Вопреки восточному обычаю, жертвенникъ сдѣланъ чуть ли не на $\frac{3}{4}$ аршина выше престола. Послѣдній, по католическому образцу, поверхъ парчевой одежды покрытъ кружевнымъ покрываломъ и вмѣсто восточныхъ семи-свѣщниковъ или дикиріевъ и трикиріевъ украшенъ четырьмя поставленными въ рядъ толстыми восковыми свѣчами.

Совершалъ богослуженіе настоятель церкви—о. Алексѣй Зерчаниновъ. Когда я вошелъ въ храмъ, только что началась воскресная литургія. Отецъ Алексѣй—это крѣпкій высокаго роста старикъ, лѣтъ 65. По его окладистой сѣдой бородѣ, чисто русскому нижегородскому выговору, съ которымъ онъ произноситъ по-славянски ектеніи и другія литургійныя молитвы, трудно даже представить, что это—католическій священникъ, а не православный батюшка средней полосы Россіи. Только остриженные ниже ушей волосы да слегка видная изъ-подъ фелони и подризника сутана напомнили о его дѣйствительномъ званіи.

Богослуженіе русскихъ католиковъ восточнаго обряда производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и ихъ храмъ. На поверхностный взглядъ—это таже православная обѣдня, которую служатъ по всему лицу земли русской, но стоитъ немножко присмотрѣться и прислушаться, и иллюзія исчезаетъ.

„Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ“—возглашаетъ о. Алексѣй.

„Аминь“—запѣлъ хоръ, состоящій изъ псаломщика и нѣсколькихъ дѣвушекъ.

„Миромъ Господу помолимся“—продолжаетъ о. Алексѣй.

„Господи, помилуй“--пѣлъ хоръ.

Но вотъ приблизился моментъ, когда воспоминается Св. Синодъ и другія православныя власти.

— „О вселенскомъ архіереѣ Піѣ десятомъ, папѣ римскомъ, митрополитѣ Викентіи, всемъ причтѣ и людѣхъ Господу помолимся“—провозгласилъ о. Алексѣй, при чемъ имена этихъ католическихъ владыкъ произнесъ какъ-то невнятно, словно стараясь проглотить.

Такія же прошенія, и также невнятно, были возглашены и на эктениі сугубой, и послѣ пѣнія „Свѣтися, свѣтися“, и на заамвонной молитвѣ, такъ что сама собой напрашивалась мысль: ужъ не нарочно-ли имя папы произносится такъ, чтобы малограмотные посѣтители храма не могли отличить, за кого они молятся.

Въ восьмомъ членѣ символа вѣры вставили, конечно, *filioque* и пропѣли: „отъ Отца и Сына исходящаго“.

Католическія тенденціи сказались и при пѣніи „Тебѣ поемъ“. Во время этого пѣснопѣнія большинство молящихся усѣлось по стоящимъ вокругъ стѣнъ скамейкамъ; при произнесеніи же такъ называемыхъ установительныхъ словъ (у католиковъ): „Пріимите, ядите“ и „Пійте отъ нея вси“—все опустились на колѣни, указывая этимъ свою солидарность съ католиками въ вопросѣ о времени пресуществленія св. Даровъ.

Но еще болѣе латинскій характеръ придавался богослуженію священными дѣйствіями самого о. Алексѣя.

Обращаясь къ молящимся съ возгласомъ „Миръ всемъ“, онъ не благословлялъ ихъ, а совершенно по западному обряду только поднималъ надъ ними руки. При словахъ „Благословеніе Господне на васъ“, и „Да будутъ милости великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами“—онъ совершилъ благословеніе, но пальцы при этомъ складывалъ совершенно по католическому образцу, какъ на статуѣ св. Петра въ Римѣ (три вытянуты вверхъ, два согнуты).

Весьма любопытное отступленіе отъ восточнаго обряда

позволяетъ себѣ о. Алексѣй на великомъ входѣ. Снимая съ чаши и диска покровъ, онъ кладетъ его себѣ не на плечо, какъ принято священниками восточной церкви, а на шею, какъ возлагаютъ архіереи омофоръ. Это невольно напоминало упорно циркулирующіе слухи, что о. Алексѣй — не рядовой католическій священникъ, а облеченный тайной миссіей папскій легатъ, носящій втайнѣ епископскій санъ.

Взамѣнъ церкви на Полозовой улицѣ въ сентябрѣ 1912 года была открыта церковь на Бармалѣевой улицѣ. Надпись надъ церковью: „Православно-Католическая церковь“ замѣнила прежнюю: „Русско-католическая церковь“. Но какъ въ первой, такъ и въ церкви на Бармалѣевой улицѣ сохранена вся православная обрядность, привлечены къ участию въ богослуженіи православные міряне, но въ то же время отрицалась власть православной іерархіи и за молитвами поминался римскій папа.

Насколько близко было богослуженіе въ этой церкви къ богослуженію православному, — показываетъ тотъ фактъ, что здѣсь цѣлый годъ пѣлъ любительскій хоръ православной Спасо-Преображенской Колтовской церкви, не подозревая, что онъ поетъ въ церкви католической.

Много шума надѣлало посѣщеніе епископомъ Никандромъ православно-католической церкви на Петербургской сторонѣ, на Бармалѣевой улицѣ. Въ бесѣдѣ по этому поводу съ сотрудникомъ Новаго Времени (№ 13264) преосвященный Никандръ раскрылъ любопытную страницу похода противъ православной церкви. „Я осмотрѣлъ внутреннюю обстановку церкви: она представляетъ собою небольшую комнату, убранную и обставленную совершенно на подобіе православнаго храма, съ православнымъ иконостасомъ и со всѣми принадлежностями православной церковной утвари.

Я поѣхалъ потому, что къ митрополиту поступилъ рядъ заявленій относительно этой церкви. Въ этихъ заявленіяхъ чувствовалось большое смущеніе и открыто указывалось, что въ церкви, имѣющей православную обстановку, во время службы, совершаемой весьма близко къ православному обряду, замѣтны явные признаки пропаганды ино-

го исповѣданія. Нужно было провѣрить свѣдѣнія, которыя намъ были сообщены, и лично, непосредственно убѣдиться, дѣйствительно-ли мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ тонко замаскированной пропаганды, или сообщенныя намъ свѣдѣнія ошибочны. Помимо этого, надпись, прибитая надъ входомъ въ церковь, дала мнѣ, православному епископу, полное право войти туда. На двери красуется надпись: „Православно-католическая церковь“.

Теперь, говорятъ, слово „Православно“ зачеркнуто карандашомъ, а раньше, какъ мнѣ письменно доносили, тамъ была надпись: „Русско-католическая церковь“. Подойдя ко входу въ домъ на углу Бармалѣевой и Пушкарской улицъ, гдѣ помѣщается эта церковь, я прочелъ на дверяхъ эту надпись своими глазами и вошелъ не колеблясь. Осмотрѣвъ церковь, я вошелъ въ алтарь. Здѣсь меня встрѣтилъ священникъ этой церкви Іоаннъ Дейбнеръ. Священникъ стриженный, такъ что его можно принять за вновь посвященнаго; онъ подошелъ ко мнѣ со словами:

— Благословите, ваше преосвященство.

Я воздержался отъ того, чтобы дать ему благословеніе, и сказалъ: „Церковь православная, вы православный священникъ, но я васъ вижу въ первый разъ. Скажите, кто васъ рукополагалъ?“

— Галицкій митрополитъ Шептицкій.

Шептицкій—извѣстный іезуитъ, католическій епископъ Галиціи и гонитель православныхъ...—Это не оставляло сомнѣній, съ кѣмъ я имѣю дѣло.—Получивъ отвѣтъ, что Дейбнеръ рукоположенъ католическимъ епископомъ, я сказалъ ему:

— Да вѣдь вы—священникъ католическій, и церковь у васъ католическая.

— Нѣтъ, мы православные,—отвѣтилъ Дейбнеръ.

— Вы хорошо знаете, кто по нашимъ законамъ имѣетъ право называться православнымъ,—отвѣтилъ я. Быть можетъ, богомольцы, которые пришли сюда, такъ же ошиблись, какъ и я, прочитавъ надпись. Вы ихъ знаете, кто они?

— Нѣтъ, не знаю—заявилъ Дейбнеръ.

Убѣдившись въ томъ, что я имѣю дѣло съ несомнѣнными католиками, прикрывающими себя православною внѣшностью, я вышелъ изъ алтаря и обратился къ присутствующимъ въ храмѣ богомольцамъ со слѣдующими словами:

— „Я, православный епископъ, вошелъ сюда, прочитаю надпись у входа, но нашелъ, что эта церковь—не православная; я былъ введенъ въ заблужденіе и надписью у входа, и всей обстановкой, Говорю это для тѣхъ, кто такъ же, какъ и я, вошелъ сюда по ошибкѣ“.

— И я также ошибся!—раздался чей то голосъ среди присутствующихъ. Часть молящихся вышла со мной изъ церкви съ возгласами сожалѣнія и удивленія предъ той хитростью, какая проявлена въ такомъ святомъ и важномъ дѣлѣ, какъ церковное. Не сомнѣваюсь въ одномъ, что мы имѣемъ дѣло съ чисто іезуитской пропагандой. Я знаю, что на Петербургской сторонѣ существуетъ другая церковь, куда богомольцы не приходятъ, а съѣзжаются въ собственныхъ экипажахъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ одинъ очагъ пропаганды для простыхъ людей, а другой—для высшихъ классовъ, гдѣ однако дѣло обставлено съ внѣшней стороны болѣе осторожно, и все это остается неприкосновеннымъ.

Мы имѣемъ наглядные результаты пропаганды; поступаютъ прошенія о переходѣ православныхъ въ православно-католическую церковь и о припискѣ именно къ церкви на Пушкинской. Когда одного изъ такихъ переходившихъ спросили, почему онъ идетъ въ эту церковь, онъ отвѣтилъ:

— Моя жена католичка, такъ ей сподручнѣе будетъ. А такъ какъ *у нихъ все совѣтъ какъ по нашему*, и служба и иконы, такъ оно и мнѣ удобно.—Не смотря на всѣ убѣжденія остаться православнымъ, этотъ человѣкъ все таки переписался въ православно-католическую церковь, оставаясь въ убѣжденіи, что вѣру онъ не мѣняетъ.

Сообщаютъ (Нов. Вр.), что основателями русской католической церкви въ Россіи были камеръ-фрейлина графиня А. Э. Келлеръ, фрейлина княжна М. М. Волконская, Н. С. Ушакова, княжна Е. В. Долгорукова и нѣкоторыя другія предста-

вительницы нашего высшаго общества. Единственно благодаря ихъ вліянію и связямъ, покойный предсѣдатель Совѣта Министровъ П. А. Столыпинъ вынужденъ былъ снисходительно, сквозь пальцы смотрѣть на это начинаніе, истинный характеръ котораго едва ли былъ для него тайной, такъ какъ онъ все время интересовался дѣятельностью этого религіознаго кружка.

Не смотря на всѣ эти поддѣлки подъ православіе, мы вѣримъ, что искренніе ревнители православія и стараго обряда не поклонятся Риму, потому что не могутъ измѣнить Россіи и всему русскому національно-религіозному міросозерцанію, за чистоту и святость котораго пролито столько родной крови, принесено столько жертвъ. Только, можетъ быть, вершины духовно вывѣтрившагося старообрядчества способны примкнуть къ католичеству именно потому, что въ сущности ничто не связываетъ ихъ съ роднымъ народомъ, съ его исторіей и его религіозно-политическими завѣтами.

Однако масса старообрядчества едва ли пойдетъ за своими главарями на этотъ невѣрный путь, потому что въ ея душѣ безконечно болѣе крѣпокъ живучій національный инстинктъ. Возсоединеніе съ латинскою церковью послѣ вѣковой борьбы съ Петровскимъ западничествомъ было бы равносильно для старообрядцевъ формальному отреченію отъ самихъ себя, отъ Бога своихъ дѣдовъ и отцовъ. Оно знаменовало бы не обновленіе старообрядческой церкви, а ея духовную смерть.

И пусть аристократическія вершины православія и плутократическія сливки старообрядчества записываются въ явные или тайные католики, цѣлуютъ папскую туфлю и покупаютъ индульгенціи для отпущенія грѣховъ,—народная церковь русская, поскольку она народна, устоитъ передъ всѣми соблазнами Рима. Располагая познаніемъ Христовой истины въ ея чистыхъ первоисточникахъ,—православная Церковь не поддастся лживой мудрости латинизированнаго христіанства. Вѣрная самой себѣ и своимъ историческимъ завѣтамъ,—Русь не промѣняетъ ученія Христа на ученіе

Игнатія Лойолы, на этику Бонавентуры и жестокое милосердіе великой инквизиціи.

Не болѣе страшень и тотъ походъ, что предпринять на православіе родственниками протестантовъ, такъ называемыми евангеликами разныхъ толковъ. Правда, опасность съ этой стороны, пожалуй, серьезнѣе, чѣмъ со стороны католиковъ.

Съ большою торжественностью въ сентябрѣ 1910 г. состоялся въ Петербургѣ съѣздъ баптистовъ. Всякаго рода отщепенцы отъ православія—штундисты, молокане, пашковцы, толстовцы, трегубовцы, чертковцы,—вся эта пестрая, какъ соръ, еретическая кампанія объединяется старою нѣмецкою вѣвѣскою баптизма и идетъ на штурмъ нашей національной вѣры. Въ отличіе отъ раскола, который былъ, такъ сказать, гущей православія и потому былъ такъ же націоналенъ, какъ оно,—наше якобы евангелическое сектантство выдѣляется антинародностью своей.

Сектантство охвачено какою то болѣзненной страстью предательства въ отношеніи всего родного. Оно стремится отойти отъ историческаго облика народнаго, отъ завѣтовъ нашего тысячелѣтняго духа. Начиная съ имени „баптизмъ“, этимъ отщепенцамъ хочется и думать елико возможно не по-русски, и чувствовать не такъ, какъ предки, и носить непременно нѣмецкое или чухонское платье, и говорить если не по-нѣмецки, то какимъ-то переводнымъ съ нѣмецкаго, испорченнымъ русскимъ языкомъ. При этомъ всѣ ихъ тощіе стишки и гимны и совсѣмъ плоскія молитвы непременно заканчиваются не русскимъ „Аmen“.

Чтобы понять, съ какимъ врагомъ имѣеть дѣло православіе, надо оцѣнить прежде всего вотъ эту психологическую черту: потребность подражанія чему то чужому, не своему. Въ сектантствѣ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ дѣйствуетъ главнымъ образомъ это темное свойство души.

„Можно глубоко уважать религіозное чувство всѣхъ иновѣрцевъ,—говоритъ видный современный публицистъ,—

но нѣтъ основанія уважать религіозную мысль именно этихъ иновѣрцевъ и предпочитать ее православной мысли. Напротивъ, у меня есть всѣ основанія предпочесть православіе, хотя бы оно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и уступало, на примѣръ, нѣкоторымъ рационалистическимъ построеніямъ. Православіе тѣмъ уже хорошо, что слагалось въ теченіе тысячелѣтій,—стало быть, сложилось естественно. Какъ горный хребетъ красивѣе геометрическихъ пирамидъ или кубовъ, такъ формы старой религіи жизненнѣе и живописнѣе теоретическихъ системъ, предлагаемыхъ сектантами.

Народу, какъ и человѣку, всего лучше носить ту наружность и жить съ тою душой, съ какими онъ созданъ, Съ православіемъ русское племя срасталось въ теченіе тысячи лѣтъ, и какъ бы вѣра предковъ ни казалась иногда странной,—отшатнуться отъ нея не такъ легко.

Что касается разсуждающихъ еретиковъ, въ родѣ нашихъ баптистовъ, то они просто плохіе христіане, какъ бы они высоко ни поднимали носъ въ увѣренности, что они совсѣмъ святыя. Ораторы баптизма кощунственно увѣряютъ, что только ихъ ученіе спасаетъ душу, при чемъ ссылаются на примѣръ добропорядочной жизни въ своей средѣ. Но неужели среди православныхъ не было и нѣтъ людей добропорядочной жизни?"

Баптисты хвастаются сравнительною трезвостью своей общины, сравнительнымъ благочестіемъ, трудолюбіемъ и разными подобными добродѣтелями. Но, поздравляя ихъ съ этимъ преимуществомъ, позволительно спросить: неужели въ православіи, на Руси, за то вѣковъ такъ таки и не было людей ни благочестивыхъ, ни трудолюбивыхъ? Они и теперь есть,—успокойтесь, господа сектанты. Христіанское православіе далеко еще не пустыня, и вы, группируясь въ кучки, вовсе не представляете оазисовъ, что касается нравственнаго совершенства.

До сихъ поръ всѣ святыя, герои, геніальные люди выходятъ не изъ сектантовъ. Изъ среды послѣднихъ не вышло ни одного умственно выдающагося человѣка. Если бы-

вали случаи, что крупные люди, въ родѣ Конта или Льва Толстого, заводили собственную ересь,—то почти не было случая, чтобы кто-нибудь изъ крупныхъ людей примыкалъ къ ихъ школѣ и вообще записывался въ сектанты. Древнее, какъ міръ, сектантство тѣмъ отличается отъ господствующей вѣры, что оно заинтересовываетъ простаковъ, будучи совершенно неинтереснымъ для умныхъ людей.

Среди баптистовъ вы встрѣтите цѣлыя сотни пророковъ и апостоловъ. Въ сущности всякій дворникъ или сапожникъ, почитавшій немного Библии, чувствуетъ себя уже немного вѣроучителемъ. Нигдѣ столь назойливо не открываютъ Америкъ, нигдѣ съ такою страстью не изобрѣтаютъ пороха, какъ на этой стадіи религіознаго декаданса. Возбужденные первымъ употребленіемъ грамотности, сырые мозги работаютъ какъ пушечные въ ходъ жернова. Они мелютъ и перемалываютъ все прочитанное и душатъ другъ друга безконечными только что вычитанными поученіями...

Наши евангелики возвращаются отъ роскошной выработанности православнаго культа къ первобытной и, какъ они думаютъ, къ „евангельской“ простотѣ. Долой іерархію, священство, таинства, обряды, догматы,—долой все органическое, что распустилось и расцвѣло изъ простой почки. Сѣмя царствія Божія (слово Христа) сектанты еще признаютъ, но не вѣтви, не цвѣты, не листья и не плоды. Наибольше взвинченные изъ баптистовъ отвергаютъ даже весь историческій стволъ вѣры... Съ этимъ багажомъ далеко не уѣдешь, и успѣхъ возможенъ только среди тѣхъ, кто не имѣетъ святыхъ впечатлѣній далекаго дѣтства, вынесенныхъ изъ православной семьи.

И какъ счастливъ тотъ, кого съ дѣтства добрые и благочестивые родители приучили къ храму Божію и ставили въ немъ посреди народа молиться всенародной молитвой, праздновать всенародному празднику. Они собрали ему сокровище на всю жизнь, они ввели его подлинно въ разумъ духа народнаго и въ любовь сердца народнаго, сдѣлавъ и для него церковь роднымъ домомъ и мѣстомъ полнаго, чистаго и истиннаго соединенія съ народомъ.

Счастливъ, кто привыкъ съ дѣтства къ этимъ церковнымъ словамъ, звукамъ и образамъ, кто въ нихъ нашель красоту и стремится къ ней, и жить безъ нея не можетъ,— кому все въ нихъ понятно, все родное, все возвышаетъ душу изъ пыли и грязи житейской, кто въ нихъ находитъ растерянную по угламъ жизнь свою, разбросанное по дорогамъ свое счастье.

Что же сказать о множествѣ затерянныхъ въ глубинѣ лѣсовъ и въ широтѣ полей нашихъ храмовъ, гдѣ народъ тупо стоитъ въ церкви, мало понимая въ богослуженіи? Не церковь повинна въ этой тупости и не бѣдный народъ повиненъ. Повиненъ здѣсь небрежный и лѣнивый служитель церкви, повинна и власть церковная, невнимательно и равнодушно распредѣляющая служителей церкви; повинна, по мѣстамъ, скудость и беспомощность народная. (Моск. Сборн.).

Благо тому человѣку, въ комъ зажжется на ту пору искра любви и ревность о жизни духовной и кто успѣетъ вывести заброшенную церковь въ свѣтъ благолѣпія. Подлинно, онъ осіяетъ свѣтомъ страну и сѣнь смертную, онъ воскреситъ умершихъ и поверженныхъ, спасетъ души отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ...

Оттого-то русскій человѣкъ такъ охотно и такъ много жертвуетъ на церковное строеніе, на созиданіе и украшеніе храмовъ. Оттого-то онъ выдѣляетъ изъ своей среды ежегодно множество безкорыстныхъ сборщиковъ на построеніе храмовъ, кои (сборщики) находятъ себѣ и пріютъ, и посильную жертву отъ народа. Это—тѣ „Власы“, поэтическій образъ коихъ данъ Некрасовымъ.

Какъ криво судятъ тѣ, кто осуждаетъ нашъ народъ за его рвеніе и усердіе къ храмоздательству. Такихъ голосовъ слышится нынѣ не мало. Это щедрое рвеніе приписываютъ то грубости и невѣжеству, то ханжеству и лицемерію (Григорій Петровъ). Говорятъ: не лучше-ли было бы употребить эти деньги на „образованіе народное“, на школы, на благотворительныя учрежденія? И на то, и на дру-

гое жертвуется своимъ чередомъ, но то жертва совсѣмъ иная, и благочестивый русскій человѣкъ со здравымъ русскимъ смысломъ не одинъ разъ призадумается, прежде чѣмъ развяжетъ кошелекъ свой на щедрую подачу для образовательныхъ и просвѣтительныхъ учреждений.

То-ли дѣло церковь Божія! Она сама за себя говоритъ; она—живое, всенародное учрежденіе. Въ ней одной и живому, и умершему отрадно. Въ ней одной всѣмъ легко, свободно, въ ней душа всяческая, отъ мала до-велика, веселится и радуется, и празднуетъ отъ тяжелой страды; въ ней одной и бѣлому и сѣрому человѣку, и богатому и бѣдному одно мѣсто. Разукрашена она паче царской палаты—домъ Божій, а всякій изъ малыхъ и бѣдныхъ стоитъ въ ней, какъ въ своемъ дому; каждый можетъ назвать церковь своею, потому что церковь на народные рубли и, больше того, на народные гроши строена и народомъ держится. Всѣмъ въ ней пріютъ и молитва съ утѣшеніемъ, и то ученіе, которое дороже всего русскому человѣку.

Вотъ что бессознательно и сознательно сразу сказывается въ русской душѣ о церкви и заставляетъ русскаго человѣка жертвовать на церковь безъ оглядки и безъ разсужденія. Русскій человѣкъ чувствуетъ, что въ этомъ дѣлѣ не ошибается и даетъ вѣрно и свято на вѣрное и святое дѣло. Нѣтъ и не можетъ быть для него на землѣ ничего дороже Божьяго дома, церкви святой!

Здѣсь, въ православномъ храмѣ, прямо и непосредственно, безъ лишнихъ разсужденій, чувствуетъ русская душа всю красоту, всю прелесть, всю жизненность восточнаго русскаго православія. И нигдѣ, какъ въ храмѣ за богослуженіемъ, нельзя видѣть столь ясно все превосходство нашего православія предъ западными исповѣданіями, а предъ сектантскими собраніями тѣмъ болѣе.

Недаромъ всенародный молитвенникъ, въ Бозѣ почившій о. Іоаннъ Кронштадтскій, въ своей весьма содержательной книгѣ—„Мысли о богослуженіи православной церкви“ пишетъ, что оно возвышаетъ и радуется безъ числа духъ христіанина, питаетъ и укрѣпляетъ вѣру, надежду и

любовь и уготовляетъ христіанина въ гражданина небеснаго.

„Для меня,—пишетъ о. Іоаннъ,—богослуженіе величайшее благо жизни. Благодарю за сіе Господа. Безцѣнное благо дано мнѣ отъ Господа въ богослуженіи. Въ немъ вся жизнь нашей души, все сокровище,—туть ея родина, ея жизнь, ея святыня, ея воспитаніе, врачеваніе, пища и питіе, ея сила и ея слава!“

Архимандритъ Даміанъ.